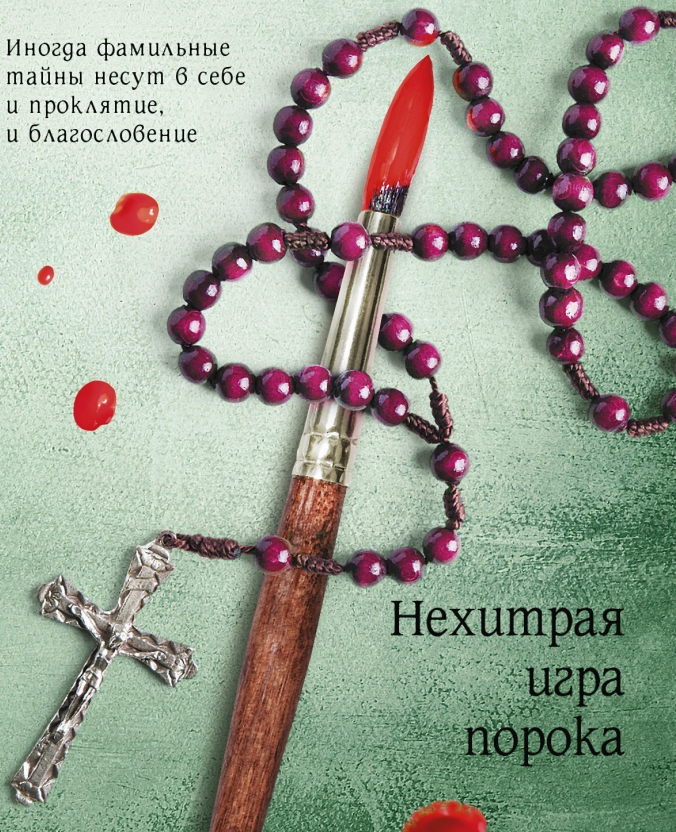

Марина БОЛДОВА

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Иногда фамильные
тайны несут в себе
и проклятие,
и благословение

Нехитрая
игра
порока

Марина Владимировна Болдова

Нехитрая игра порока

Серия «Семейный детектив»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67600971
Нехитрая игра порока. Роман: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148077-6*

Аннотация

Не успела Ася обрадоваться возвращению из Англии отчима, воспитавшего ее как дочь, как того убили. Спустя несколько часов был убит и ее биологический отец – бывший полицейский, ныне церковный нищий. А дальше – сюрприз за сюрпризом. Кто-то крадет у нее из дома ничего не стоящую подвеску. При весьма странных обстоятельствах Ася обретает единокровных брата и сестру. Случайная встреча в парке с бывшим возлюбленным дает надежду на личное счастье. Но самое главное – она узнает, что отец и отчим были давно знакомы, их связывала общая тайна.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	73
Глава 11	81
Глава 12	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Марина Владимировна
Болдова
Нехитрая игра порока
*Роман***

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Болдова М., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Я не видела отчима шесть лет, скучала отчаянно, говорила с ним мысленно, жалуясь и хвалясь, делилась сокровенным и вспоминала маму, каждый раз упрекая, что тот ее забыл. Мой отчим Карим Бахметев исчез из моей жизни стремительно, не дав времени осознать грядущее одиночество и оставив в моей памяти лишь шлейф воспоминаний.

Между нами лежала пропасть – тысячи километров и его новая жена Элизабет Ларкинз. Так теперь себя называла бывшая сельская девочка Лиза Кузина, нашедшая свое случайное счастье в юном возрасте с жителем графства Беркшир, что на юге Англии. Имея скудное образование на базе школы села Владимировка, амбиции первой красавицы того же населенного пункта, гонор избалованной единственной дочери главы сельской администрации, Лизонька в семнадцать лет выпорхнула из родительского терема на берегу Волги, а приземлилась в Москве, в приемной комиссии сельхозакадемии, куда выбил-таки направление папа, затратив на это, по выражению самой девушки, «много зелени». Так как к прелестному личику и приличному баллу за госэкзамены нужно было бы приложить хотя бы какие-то знания (очная беседа с членами комиссии не заладилась с первой же произнесенной ею фразы), Лиза Кузина студенткой так и не стала, но домой во Владимировку возвращаться не торопилась, надеясь как-то устроиться в столице. Повезло на первой же вечеринке в ресторане небольшого, но вполне приличного отеля – выпить рюмочку перед сном туда забрел Артур Ларкинз, средних лет англичанин, неплохо говоривший по-русски. Любовь к красоте Лизе в нем вспыхнула с такой силой, что наутро он предложил ей официально сочетаться браком. Лиза было заартачилась – неказист был жених, мал ростом и небогат. Выпила лишнего, вот и... Но папа с мамой, которым дочь все же сообщила о новом знакомом, срочно

вылетели в Москву знакомиться с будущим зятем. Не дав дочери ни шанса ускользнуть от выгодной, с их точки зрения, партии, они организовали и пышную свадьбу, и немалое приданое. Через несколько месяцев довольный Ларкинз увозил уже беременную Лизу в родной город Рединг.

А еще спустя два месяца родители встречали в Шереметьеве дочь-вдову, потерявшую в автокатастрофе и мужа, и так и не увидевшего белый свет ребенка. Вскоре, вполне утешившись, Лизонька отбыла в полюбившийся ей с первого дня пребывания Рединг, в унаследованный от мужа дом. Звание веселой русской вдовушки закрепилось за ней прочно, однако такое соседство никого не радовало, и однажды кто-то из добропорядочных горожан сообщил главе Владимирки о недостойном поведении дочери. Обеспокоенный папа настоял на возвращении Лизоньки домой, мотивируя тем, что среди чопорных англичан мужа та себе не найдет. Где Элизабет встретила моего отчима, мне было неизвестно, да и Карим как-то не торопился поведать мне историю их знакомства. Но весьма трогательно, даже со слезами на глазах, рассказывая о бедной Лизе, отчим пытался оправдать свою спешную женитьбу. Я же восприняла его повествование с иронией и долей здоровой злости на хитрую, лицемерную и распутную (а как иначе?) женщину. Карим же в моих глазах в тот момент выглядел жалко.

Это случилось шесть лет назад. Тогда он клялся в преданности маме, а я не верила – года не прошло со дня ее похо-

рон. Я не приехала в аэропорт проводить молодоженов, отбывающих на жительство в Беркшир, не отвечала на звонки. Оставив хоромы в «генеральском» доме у центральной площади (название дома прижилось со дня заселения), переехала в старую бабушкину квартиру на Казанской. И расстояние между домами было небольшим, и ключи висели на общей связке, но, даже поднимаясь этажом выше к подруге Соне Барковской, в квартиру, где я когда-то счастливо жила с мамой, бабушкой и Каримом, зайти я не торопилась.

А вот вычеркнуть отчима из памяти так и не смогла... Бархатный баритон звучал в голове, успокаивая и обнадеживая, как когда-то в детстве. Я любила Карима, считая его отцом. Он им и был, другого не знала. В паспорте значилась как Асия, так называл меня он, хотя при рождении мама дала мне имя Ася. И сейчас, спустя годы, двигаясь пешком к дому, пыталась собраться с мыслями. Час назад, вернувшись с работы, в почтовом ящике я обнаружила странную записку от отчима, почерк был, несомненно, его. «Я был, тебя не застал. На звонки не отвечаешь. У меня новый номер, посмотри в вызовах. Буду ждать дома. Ради памяти мамы, дочка, приезжай!» – неровные строчки, почти невидимые последние слова – понятно, что в шариковой ручке практически закончилась паста.

Уже с угла улицы я увидела толпу возле подъезда. На проезжей части дороги стояли машина «Скорой помощи» и еще одна – темная иномарка. Подойдя ближе, я разглядела белые

буквы на красной полосе – «Следственный комитет».

Кто-то взял меня за руку, я вырвалась. Меня тянуло туда, в подъезд, и по лестнице – на второй этаж.

Дверь открыть не успела, та сама распахнулась навстречу. Двое санитаров тащили носилки. То, что на них мертвое тело Карима, я не сомневалась ни секунды.

Глава 1

– Уточните, кем вы приходитесь пострадавшему. – Голос следователя донесся как сквозь ком ваты.

Я оторвала взгляд от плаката на стене и посмотрела на сидящего напротив мужчину. Он был без формы, обстановка в помещении, где мы находились, скорее напоминала жилую комнату квартиры шестидесятых, чем кабинет следователя. Я бы чувствовала себя свободнее, если бы не знала, что сижу здесь на старом стуле с выцветшей обивкой лишь потому, что убили Карима...

– Бахметев – мой отчим. Он воспитывал меня с трех лет. Последние шесть лет мы не виделись – он жил с новой женой в ее доме в Беркшире.

– Вы знали, что он вернулся в Россию? И почему?

– Нет, не знала. Пока не нашла сегодня в ящике вот эту записку, – мысленно похвалив себя, что не выкинула листок (как хотела), я протянула его следователю. – Я о нем вообще ничего не знала все эти шесть лет!

Прозвучала моя последняя фраза с явной досадой, и, поймав удивленный взгляд следователя, я мысленно чертыхнулась – вот уж показывать эмоции здесь совсем неуместно! Но полицейский ждал продолжения либо подробностей, и я вынужденно извинилась. Мой собеседник лишь молча кивнул.

– Моя мама вышла замуж за Карима Николаевича в девять

носто четвертом году. Он сразу меня удочерил, дал фамилию и отчество. И стал мне настоящим отцом.

– Вы знаете, что ваш биологический отец жив?

– Теперь знаю, – коротко ответила я, не собираясь далее развивать эту тему.

То, что родной папа вообще существует, да еще и жив, я узнала от Карима, когда поступила в школу – ранее вопросом о биологическом родственнике я не задавалась. Первый день сентября выдался дождливым, и по этой причине торжественная линейка проходила в фойе школы. Наш первый «а» стоял по центру, позади на стене висела Доска почета с фотографиями знаменитых выпускников. Меня, как самую высокую девочку, поставили во второй ряд, и я то и дело оглядывалась – привлек внимание один из портретов. Что-то знакомое было во внешности молодого мужчины в форме. Мне даже показалось, что встречались мы с ним совсем недавно. Читать я умела, но подпись под фото «Гиржель Михаил Леонидович. Выпуск 1987 года» ни о чем мне не говорила. Нас отвели в класс, о портрете я забыла. Но, зайдя после школы к бабушке в комнату, посмотрев на фото мужчины над ее кроватью, тотчас поняла – на школьной Доске почета видела именно этого человека. Я всегда считала, что это погибший мамин брат. Радостно доложив бабушке, что портрет героя висит в школе, хотела было уже продолжить рассказ о первом учебном дне, как та вдруг горько расплакалась. Мамы на тот момент дома не было, я кинулась к Ка-

риму. Позже о Гиржеле он рассказал мне сам...

– Когда вы виделись с ним? Какие у него были отношения с пострадавшим?

– Я вижу его каждый раз, проходя мимо Воскресенского собора, он там работает нищим. А у отчима с ним отношений не было, то есть вообще никаких! Насколько мне известно, ни споров, ни разногласий по поводу моей матери между ними никогда не возникало. Михаил Леонидович бросил нас с мамой после моего рождения, ушел к другой женщине. Насколько я в курсе, ее уже нет на этом свете.

– Вы знаете, кем был Гиржель?

– Да, я в курсе, что он служил в милиции и геройски воевал в Чечне. Но все это не меняет моего отношения к нему. – Я почувствовала, что сейчас моя бедная голова не выдержит нарастающей боли, и я позорно грохнусь в обморок. – Дайте воды, пожалуйста, мне нужно выпить лекарство.

Да, вежливых слов от этого человека я не ждала, сочувствия тоже. Уверенность, что он даже по необходимости не растянет рот в улыбке, росла – молча протянув мне пластиковый стаканчик с водой из кулера, следователь смерил меня досадливым взглядом.

– Вам легче? Продолжим? – Он вновь взялся за ручку.

«Странный тип. Компьютер включен, мог бы печатать, так нет – пишет! Почерк вырабатывает?» – подумала я, утвердительно кивая в ответ.

– Что вы знаете о жене Бахметева Элизабет Ларкинз? С

какого времени вы знакомы?

– Я видела ее дважды в жизни. Отчим привел ее как жену в свою квартиру, где мы жили втроем до смерти мамы в две тысячи тринадцатом году. Так как со дня похорон не прошло и года, я собрала в тот же день вещи и перебралась в бабушкину квартиру. Мне было неприятно видеть чужую женщину, не скрою. Уже поздно вечером она и отчим пришли ко мне и стали уговаривать уехать с ними в Англию. Она практически сразу, услышав мой отказ, ушла. А отчим рассказал ее историю. Вкратце звучит так: деревенской девочке Лизе Кузиной повезло выти замуж за англичанина. Вскоре тот разбился на машине, Элизабет потеряла нерожденного ребенка и на время вернулась к родителям в деревню. Потом вновь уехала и вернулась. Где и как познакомилась с Каримом – не знаю, не интересовалась. Вычеркнула их обоих из своей жизни в тот же день.

– Удалось?

– Что, не поняла? – удивилась я не вопросу, а тону, каким тот был задан.

– Я спрашиваю: удалось вычеркнуть человека, который вас вырастил, вот так, одним махом?

Вот так взгляд! Коктейль из ничем не прикрытой ненависти, презрения и злости. Резко встав со стула, следовательно отошел к окну. Я смотрела на застывшую в неподвижности спину, на мощную шею, на почти лысый затылок, а думала о Кариме. Он был так же подтянуто строен, широк в пле-

чах и не обижен природой ростом. «Мой арабский принц Карим», – называла его мама, светясь счастьем. Да, они любили друг друга явно, ни перед кем не таясь, бережно храня верность и нежную страсть. Будучи ребенком, я не понимала, какая это редкость – быть безусловно счастливой. Именно такой была мама рядом с ним. И я, ее ребенок, чувствовала их любовь, росла в ней, словно в сердце цветка – как Дюймовочка. «Карим добр и великодушен» – так о нем говорила бабушка, мать моего биологического отца. Да, свекровь после предательства сына осталась жить с невесткой. И новый ее муж стал ей сыном.

Я вдруг все поняла. «Ну конечно! Очевидно, что тут личное. И совсем недавнее – все еще причиняет сильную боль», – подумала я, немного смутившись.

– Простите, – он повернулся ко мне. – Еще один вопрос: что вам известно об убийстве отца вашего одноклассника Максима Юренева пятого августа две тысячи девятого года?

Глава 2

Как-то до меня не сразу дошло, о чем это он? Какое убийство? Да, я знала, что Макс потерял отца, но – убийство?! Я всегда считала, что он погиб в аварии. Август... А где я была в августе девятого года? В санатории в Сочи, с Соней, моей одноклассницей и соседкой. Тогда ее отец полковник Барковский и Карим хором уговаривали нас «набраться сил» перед новым учебным годом – мы обе успешно поступили в вузы. В наших же с Соней планах было провести остаток лета на даче в Раздольном, в доме ее бабушки Аделаиды Нилловны, которую обе обожали. Но тут выяснилось, что путевок в санаторий три и бабушка едет с нами. За нас все было уже решено. На самом деле, как я поняла позже, вся поездка на море была организована для того, чтобы увезти меня подальше от дома. По задумке взрослых, так я быстрее забыла бы о том, что случилось на школьном выпускном балу...

Вернулись мы как раз к первому сентября. О том, что Макс Юренив потерял отца, я узнала лишь в феврале следующего года, после встречи выпускников. Меня там не было, новость осторожно преподнесла Соня, но я в ответ промолчала – подробности мне были неинтересны. Соня же, зная мое отношение к Максиму, не настаивала...

– Я не знала, что Павел Петрович был убит. Если так, то кем? Убийцу поймали?

– В преступлении признался ваш одноклассник Николай Басов.

– Коля? Быть не может! Ботаник, простите, тихий и застенчивый парень! Кого он мог бы лишить жизни? Разве что комара!

– Тем не менее, находясь под воздействием синтетического наркотика...

– Бред! Какие наркотики? Коля даже не курил, когда дымили уже все мальчишки. У него мама долго и серьезно болела, мы это знали. Он за ней ухаживал один, после школы сразу шел домой. Маме, как помню, стало значительно лучше еще до сдачи нами госэкзаменов, она шла на поправку. Коля собирался поступать в институт. Нет, наркотики и Коля – полная чушь!

– Как эмоционально вы его защищаете!

– Да он единственный, кто... впрочем, к делу это не относится. Я знаю Басова как хорошего друга и очень порядочного человека.

– Хорошо, Асия Каримовна. На сегодня все, прочтите и подпишите. – Он положил передо мной плотно исписанный лист. – Возьмите мою визитку, будет что добавить к сказанному, позвоните.

Я сунула кусок серого картона в сумку и поднялась со стула. Уже у двери обернулась, чтобы попрощаться, но увидела перед собой лишь спину – следователь вновь стоял у окна и смотрел на улицу.

– Всего хорошего, – все же решила проявить вежливость я, но ответом была тишина.

Выйдя из здания следственного комитета, я достала визитку – что-то не запомнилось мне имя хозяина кабинета. Или он не представился? «Фирсов Иван Федорович, старший следователь, майор юстиции», – прочла я, стоя на крыльце.

– Чурбан неотесанный вы, господин Фирсов! – невольно вырвалось у меня, и я тут же была награждена удивленным взглядом проходившего мимо полицейского.

* * *

Пройтись пешком до дома было правильным решением. Раздражение, возникшее при допросе, мешало сосредоточиться на главном – я так и не поняла, зачем (или почему?) вернулся Карим в Россию. И что с его женой? Расстались? Я ругала себя, что так и не решилась зайти к Барковским – мы с Соней не ссорились, но и встречались крайне редко, месяцами не звоня друг другу. Отчего-то мне было неловко набрать ее номер первой – Соня все время была занята, работая в стоматологической клинике и воспитывая двоих детей-погодков. Если и удавалось нам поговорить, то не больше трех минут. Меня несколько общих фраз о здоровье и погоде смущали, казалось, что нет больше между нами той близости, что раньше, и я попросту мешаю ей своими звон-

ками.

И еще я с трудом выносила ее мужа Дениса Марченко, как, впрочем, и он меня. Причины для столь стойкой взаимной неприязни (с годами переросшей почти в ненависть), что установилась между им и мною практически со дня их свадьбы, не понимала Соня. Но она, эта причина, была отлично известна нам с Денисом. Сонин муж знал, что у меня хранились доказательства его предательства.

Задумавшись, я прошла мимо своего дома. Мысли о Барковских вели меня к месту, где погиб Карим. В конце концов, соседей, знавших о его возвращении из Англии, могло быть немало – когда я подходила к подъезду, возле него была небольшая толпа.

Я всегда старалась пройтись парком, он был старым и уютным, хотя кому-то мог показаться мрачным – солнечный свет сквозь плотное переплетение крон вековых деревьев просачивался лишь тонкими лучами, создавая нежную золотистую паутинку. Сейчас, в ноябре, когда небо было закрыто набухшими влагой облаками, аллея, по которой я шла, и вовсе казалась темным тоннелем.

Мужчина стоял на газоне за парковой скамьей, держась за ее спинку. Я не видела лица, только коротко стриженный седой затылок, но мне показалось, что незнакомец пьян. «Ну, точно!» – успела подумать я, как вдруг тот громко крикнул: «Герда, ко мне! Герда!» Неуверенно качнувшись, он обошел скамью и присел на самый ее край. Темные очки, совсем

неуместные в такую погоду, прятали глаза, скрывая еще и часть лица. Но я узнала его сразу. Мой враг, мои боль и стыд, моя первая любовь и мое разочарование – Макс Юрнев, уничтоживший меня морально ни за что. Просто так, на потеху классу и школьной королеве красоты Ангелине Корецкой. «Ты просто пройдешь мимо! Ты даже не повернешь головы, не взглянешь на него!» – приказала я себе, делая несколько шагов. Тонкий каблук сапога попал в ямку между плитками, нога подвернулась, я вскрикнула от боли.

– Кто здесь? Помогите, пожалуйста!

Я вздохнула и повернулась к Юрневу. Сейчас он меня узнает, без сомнений, – я ничуть не изменилась за те десять лет, что прошли с нашего выпускного бала.

– Я потерял собаку, – голос звучал глухо, Макс словно оправдывался.

– Так ищите. Что, ноги не держат? – неожиданно для себя насмешливо и грубо спросила я и застыла. «Не может быть... он ничего не видит? Он слеп!» Я почувствовала стыд, слабость и... страх.

Макс молчал. Я осторожно присела рядом, рука сама потянулась к его лицу... В следующее мгновение, резко убрав ее, я глубоко вздохнула.

– Я поищу. Какой породы ваша собака?

– Уходи.

– Что?! – от неожиданности я вскочила.

– Что непонятного я сказал? Уходи, Бахметева. Пошла

вон!

От его голоса, от воспроизведенной им в точности фразы, сказанной с презрением и гадким смешком десять лет назад, я, Асия Каримовна Бахметева, педагог и психолог математического лицея, словно стала на миг той Асей, с ужасом бежавшей от гогочущей вслед толпы одноклассников. Но лишь на миг.

– Уйду, Юрнев. Но не раньше, чем найду твою собаку, – четко выговаривая каждое слово, спокойно произнесла я.

Глава 3

История была банальна, можно даже сказать – не интересна ни кинематографистам, ни театральным режиссерам. Девушку, влюбленную в него, Юренив принародно унизил. Зрители быстро разошлись, девушка кое-как на полусогнутых доползла до дома, где с рыданиями кинулась на шею отчиму. И это все обо мне, Асе Бахметевой. О той Асе, которая лишь через два месяца узнала, что жестоко избит ее защитник – Коля Басов, единственный трезвый парень среди толпы пьяных выпускников, и о том, что Соня Барковская дала пощечину Максу Юрениву, обозвав того виртуозно нецензурно. Подвиг для девушки, обычно красневшей при слове «дурак». Именно Соня в гневе пообещала Юрениву кару небесную при жизни, весьма эмоционально выразившись: «Моральным уродом ты уже стал, а физическим сделает тебя судьба, даже не сомневайся!»

Сейчас я видела, каким образом сбылось то ее предсказание – Юренив был слеп. И, судя по тому, какотреагировал на мое присутствие, винил в этом меня.

– Что уставилась? Радуетесь? – В голосе Макса не было больше злости, только усталость. – Сонька оказалась провидицей – я теперь урод!

– Сиди здесь, я пойду поищу твою Герду. Овчарка? – Отвечать на его выпады было бессмысленно.

– Лабрадор. Она сама никогда не убежала, ее увели. И я догадываюсь, кто. Если встретишь троих подростков – девочку и двух парней...

Я их уже увидела – троица нырнула в беседку, где раньше играли в шахматы пенсионеры и пионеры. Сейчас же внутри стояли лишь две скамьи.

Даже на каблуках я бегала быстро. А еще я умела ловко подставлять подножки. Первым через мою ногу перелетел, а затем жестко приземлился на пятую точку круглолицый блондин. Его высокий худой товарищ riskовать не стал, протиснулся сбоку, но был пойман мной за воротник куртки. Девочка смиренно села на скамью.

– Где собака? – взглядом не найдя Герду внутри беседки, произносить приветствие я сочла лишним. Боялась худшего – звериной жестокости подростков. – Ваш встречный вопрос: «Какая собака?» мы опускаем. Ну?!

Все трое молчали. Но выражение лиц было разным. Испуганным выглядел блондин, немного нервничал его друг, а девочка... На первый взгляд им было лет по тринадцать, но она смотрела на меня прямо, открыто и без вызова, словно равная. Сомнений, кто лидер в троице, не было.

– Хорошо. Наверное, придется вам объяснить, что ваши действия можно рассматривать как кражу. Обученный для помощи незрячим людям лабрадор стоит от шести до десяти тысяч долларов. Не думаю, что ваши родители даже сообщать смогут выплатить эту сумму владельцу Герды. И не дай бог

с собакой вы сделали что-то плохое...

– Не нужно на нас давить! Кто вы такая? Вы знаете эту тетку? – Девочка поочередно оглядела своих побледневших спутников. Те молчали. – Я так и думала! Мы ничего не знаем ни о какой собаке, Герде или как ее там зовут? И с чего вы взяли, что наши предки не смогут за нее заплатить?

Ох, вот теперь в голосе вызов! И этот небрежный жест – нога в кроссовке со скромной надписью «Jimmy Choo» на перемычке шнурка быстро закинута на сиденье лавки – любуйтесь! Только вот стразы на обувь приклеены мастером из цыганского табора...

– А смогут? Тогда не вопрос – вызываю полицию. Я вас допрашивать права не имею, но в участок в первую очередь вызовут ваших родителей и педагогов. Кстати, в какой школе вы обучаетесь?

– В пятнадцатой, – машинально выпалил блондин и осекся под презрительным взглядом подруги.

– Я знакома с вашим директором Лидией Павловной. Насколько ее знаю, она ничего на тормозах спускать не будет. Самое простое – вас троих поставят на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних. Ну а если владелец собаки подаст в суд...

– Герда в сарае сад...

– Заткнись, лох! Не видишь, нас разводят! – Девочка вскочила и с размаху влепила блондину пощечину.

– Да пошла ты! – Блондин двумя руками оттолкнул ее и

повернулся ко мне: – Пойдемте, здесь недалеко. Только Верка ей что-то вколола. Снотворное, наверное. Батя у Лехи в ветклинике работает.

Он шел по пожухлой траве к сараю садовника, не оглядываясь. Не смотрел парень и на меня.

– Как твое имя?

– Петр.

– Почему ты позволяешь себя так унижать, Петя? – не выдержала я.

Он на миг остановился, мы поравнялись, и я заметила пунцовый румянец на щеках. «Влюблен в девицу! А второй? Друг-соперник?» – Я оглянулась, но не увидела ни его, ни девочку.

Мы подошли к сколоченному словно наспех сараю.

– Леха сбил замок, а потом просто повесил на петлю, открывайте.

Герда лежала на куче какого-то тряпья, уткнувшись носом в ящик с песком, и тяжело дышала. На меня накатила волна злости.

– Что ж вы наделали?! – Я вытолкнула парня из сарая. – Слушай внимательно! Я сейчас позвоню ветеринару, он заберет собаку в клинику. А ты бежишь к ее хозяину, приводишь его сюда за руку, понял? Скажешь ему, Бахметева ждет. И что Герда жива. Мигом!

Я смотрела на затылок Юренева, стоявшего на коленях перед издававшей короткие всхлипы Гердой. В горле застыл

ком, вновь накотившая головная боль сделала меня слабой. Я поняла, что забыла, куда шла, забыла об убитом отчине и следователе Фирсове. Почти теряя сознание, огляделась. Сесть было некуда, колени подогнулись, и я боком упала на кучу тряпья рядом с собакой.

– Аська... ты слышишь меня, Аська! Что с тобой? Ты где? А?

Жесткие пальцы скользнули по моей ладони, рукаву полушубка, нащупали плечо, забрались за воротник и обняли шею. Цепко подхватив второй рукой под спину, Макс приподнял меня и прижал к себе. Так, стоя на коленях, он тихонько раскачивался из стороны в сторону, обнимая так крепко, что мне стало трудно дышать.

– Юрнев, отпусти... – Я уже и сама не знала, хочу ли этого.

– Нет!

– Почему?!

– Почему? – повторил он мой вопрос. – Потому что вот так уже никогда не повторится! Понимаешь, Бахметева – никогда! Не будет этого темного сарая, тебя близко не будет, запаха твоего и лица!

Я почувствовала короткие прикосновения влажно соленых губ к моим опущенным векам, и нехотя открыла глаза.

Юрнев плакал. Слезы текли из-под темных очков двумя дорожками – лицо Макса освещала довольно широкая полоса слабого света, пробившаяся сквозь щель между досками

сарая. Я растерялась, не понимая, что происходит.

Это уже было! Было! Соленые слезы, которые я слизывала с его щеки кончиком языка. Они смешивались с моими, неся нам обоим облегчение. Это был примирение с самими собой и друг с другом после жесткой ссоры. Тогда мы понимали оба, что без доверия не выживем, что нет и не может быть отдельно его и где-то – меня. И тайн друг от друга быть не должно. Нет, не так! Есть и будет одна. Одна на двоих – наша. Вот с такими солеными слезами, гулким стуком его сердца за тонкой тканью рубашки, затаившимся дыханием в предвкушении того, что случится дальше. Не может не случиться – все пройдено: сплетни, откровенная ложь и наша слабость перед предательством близких. Поодиночке не справились бы с этим, нет. Только вместе... Тогда я верила ему, даже в мыслях не допуская, что спустя всего несколько месяцев предаст он.

Я стряхнула с себя наваждение, в буквальном смысле несколько раз энергично покачав головой. Нет, только не в этот раз...

– Макс, все будет хорошо с Гердой, не расстраивайся, сейчас приедет мой муж...

– Муж...

Макс, не отпуская меня, легко поднялся с колен, поставил меня рядом и резко отошел в сторону.

– Выйди, Бахметева. Сейчас просто выйди из сарая! Я хочу побыть один. За помощь – спасибо. Не прошла мимо убо-

гого.

Я опешила...

Глава 4

– Черт возьми, Юренев, ты повторяешься! Уже в третий раз ты гонишь меня! Только я никогда к тебе не лезла первой! Даже тогда, после выпускного, если бы не получила записку, не пришла бы в кабинет физики. Ты написал, что не можешь без меня, а я шла сказать, что вполне могу! Без тебя могу, Юренев! Ты не дал мне рта открыть, помнишь этот поцелуй? А после этого вспышки камер, гогот пьяных парней и насмешливое лицо Корецкой. Больно было, черт возьми! И сейчас больно. Ты – тот, кто с удивительным постоянством бьет меня по живому, Юренев! Только я и сейчас не могу понять – за что?

Не дожидаясь ответа, я шагнула за порог и увидела, как от парковой дорожки к сараю бегут мой муж и Петр, которого я отправила встретить Игната у входа в парк.

Я смотрела, как, неуверенно схватившись за дверной косяк, из сарая выходит Юренев и, сделав два шага, устало приклоняется спиной к стволу клена, снимает очки, потирает переносицу. Как Игнат и Петя заходят внутрь сарая, оставив дверь распахнутой.

Я могла смотреть на Макса, не опасаясь быть замеченной. Жадно, торопливо вглядывалась в черты лица, отмечая каждую новую морщинку, седые волоски в щетине и абсолютно белые виски. Он постарел. Не возмужал, не повзрослел,

утратив юношескую свежесть, а именно постарел. Лицо осунулось, заострился подбородок, выделив скулы. Но самыми пугающим был застывший в неподвижности взгляд. Я громко вздохнула, не в силах сдержать жалость.

Видимо почувствовав, что его пристально рассматривают, Макс, словно защищаясь от непрошеного внимания, надел очки, которые до этого держал в руке.

– Кстати, с днем рождения! Не знаю, что пожелать тебе... счастья? Наверное, ты и так счастлива?

– Спасибо, Макс, – сдержанно поблагодарила я, сама забыв, что сегодня мой день рождения.

– Простишь меня когда-нибудь, Аська? – спросил он, как-то безнадежно усмехнувшись.

Я промолчала. Что я могла ответить, простив и оправдав его уже давно, когда узнала, что вместо университета он загремел в армию. Соня сообщила мне об этом с неким торжеством. Видимо, надеясь, что я обрадуюсь (настигла-таки кара обидчика), она никак не ожидала от меня такого бурного потока слез. А я оплакивала несбывшуюся мечту Макса...

– Понятно... что ж, переживу и это. Уже привык... без тебя. Живу один.

«Господи, что он несет? „Без меня“ он уже десять лет! И по своей вине! Привык... да просто думать забыл, кто такая Ася. К чему сейчас все это? Запоздалое покаяние. Зачем оно ему? Просто прими эти слова как минутную слабость, Бахметева!» – приказала я себе. А вслух неожиданно коротко и

сухо произнесла:

– Давно простила, Макс.

Из сарая вышел Петр, за ним, согнувшись в дверном проеме чуть не вдвое, Игнат с Гердой на руках.

– Петя, – тихо окликнула я парня, – вот тебе деньги на такси, поезжай сейчас с ними, потом проводишь Максима Павловича домой. Прямо до дверей квартиры. Герду наверняка оставят в клинике. Мобильный у тебя есть?

Петр достал из кармана куртки телефон далеко не новой модели.

– Это мой номер. – Я продиктовала цифры и дождалась, пока парень их наберет. – Позвони потом. Сделаешь? Меня зовут Асия Каримовна. Преподаю в математическом лицее на Троицкой.

Петр молча кивнул.

Махнув на прощание рукой мужу, несшему на руках Герду, я немного постояла, глядя, как следом за ним идет, опираясь на плечо парня, Юренив. Жалость вновь подкатила к горлу горьким комом, не давая сделать полноценный вдох. Поморгав, чтобы стряхнуть с ресниц теплую влагу слез, я достала из кармана носовой платок. Словно что-то почувствовав, Макс резко становился и обернулся. Я торопливо направилась к другому выходу из парка.

Двигаясь в бодром темпе, я с усилием вернулась мыслями к главному – убийству Карима. И тут же поймала себя на том, что как-то спокойно восприняла потерю некогда самого

близкого мне человека. Забыла за шесть лет? Неправда! Но, взрослея, научилась жить и без него.

Однажды я задумалась о том, как ему, никогда не имевшему собственных детей, удалось так быстро стать мне настоящим отцом? Без лести и подарков, одной лишь искренней любовью он завоевал доверие маленькой девочки, до встречи с ним не знавшей близко ни одного взрослого мужчины. Дедушек у меня не было, мы жили втроем – я, мама и бабушка. В квартиру на Казанской приходили в гости лишь две подруги мамы. И всегда без мужей. Впрочем, не припомню – а были ли те замужем?

Карима я приняла как родного отца с первой встречи – решила, что это он и есть, просто был где-то в отъезде, а сейчас вернулся. А вон тот красавец на портрете в бабушкиной комнате – ее сын, мамин брат то есть. И знать не знала, что бабушка маме – свекровь.

Карим как отец был идеален. Мне завидовала даже Соня: Осип Семенович безумно любил дочь, баловал, но и опекал чрезмерно. Там, где Карим старался меня понять и оправдать, Соня получала от отца выговор и последующий список запретов. «Он как будто даже рад, что я проштрафилась, Ась! Сразу же выкатил кучу претензий. И крашусь слишком, джинсы в облип, майка до пупа. Словно ждал подходящего момента, чтобы все высказать!» – жаловалась она мне, а я не находила слов утешения. Мне разрешались и модные штанцы, обтягивающие тощий зад, и откровенный топ на бретель-

ках без наличия нижнего белья. И как ни странно, на мне Барковский все эти «безобразия» не замечал.

Не мамино, не бабушкино мнение было для меня важно – лишь Карима. Впрочем, они обе воспринимали его главенство в семье спокойно.

Я не помнила ссор между мамой и Каримом. Мне даже казалось, отчим не может конфликтовать ни с кем, настолько терпим он был к недостаткам других. И сейчас, по дороге к его дому, я пыталась понять, кому он мог помешать настолько, что его убили.

Вдруг одна мысль заставила меня остановиться. Как случилось, что я даже не спросила у следователя – как убили моего отчима? Нож, яд? Или выстрел? И где сейчас Элизабет? Что, если она вернулась из Англии с ним? Они поссорились и... «Могла? Да запросто! – мгновенно нашла я виновную в смерти отчима. – Вот только входит ли она в список подозреваемых майора Фирсова?»

Меня настолько захватила эта идея, что я тут же извлекла из сумки визитку следователя.

– Иван Федорович, Бахметева беспокоит. У меня предположение – не могла Элизабет Ларкинз убить моего отчима? Она вернулась с ним в Россию? – торопливо проговорила я.

После короткого «нет» в ответ Фирсов отключился. Я опешила. И к чему относится это отрицание? Не вернулась? Или убить не могла?

Еще раз мысленно назвав Фирсова хамом, я решила, что

докопаюсь до правды сама.

Шагая к дому отчима, очень надеялась на встречу с одной весьма пожилой дамой, матерью генерала Таранова, знавшей всё и обо всех. Одна створка окна ее комнаты в квартире на первом этаже всегда, и летом и зимой, была приоткрыта. Нина Андреевна бодро подскакивала к окну каждый раз, когда кто-то подходил к подъезду, либо подъезжала к воротам во двор машина. Не надеясь на свою память, Нина Андреевна в тетрадочке словесно обозначала портрет незнакомых ей людей и записывала номера авто. У меня же к ней был один вопрос: знает ли она, когда мой отчим вернулся из Англии?

Глава 5

– Детка, присаживайся к столу. – Нина Андреевна встретила меня хотя и с улыбкой, но без радушия. Легкую холодность я могла объяснить лишь одним – старушка, как, впрочем, и многие, осуждала меня за резкий разрыв с отчимом.

Я кивнула, выложив из пакета на чайный столик коробку шоколада и упаковку безе. Старое кресло приняло мое напряженное тело, расслабляя мышцы и давая покой уставшей спине – длительная ходьба на каблуках в последнее время стабильно отдавалась болью в позвоночнике. Я молча смотрела на суетившуюся Нину Андреевну, заметив, что та пытается скрыть неловкость.

– Я ненадолго. – Я решила, что пора остановить бессмысленную суету: от чая отказалась у порога, но, видимо, не была услышана. Последняя вазочка с подноса нашла место на столике, и только тогда хозяйка словно нехотя присела на край дивана.

Нину Андреевну можно было назвать божьим одуванчиком – настолько эфемерно она выглядела в белоснежной блузке с отложным кружевным воротничком. Абсолютно седые волосы были ее приметой еще с той поры, когда я была ребенком. Заметив в окне лицо, обрамленное пушистыми кудельками, мы с Соней меняли галоп на степенный шаг, чинно входили в подъезд, быстро и молча проскальзывали

мимо двери квартиры Тарановых и только тогда выдыхали с облегчением. Боялись эту генеральскую маму все без исключения: от нас, крох, до сослуживцев ее сына. «Божий одуванчик» мог покрыть площадным матом. Да, провинившимся детям доставались вежливые замечания, высказанные литературным языком, но их родители позже выслушивали гневную речь с нецензурными вставками. И, что странно, никто и никогда не был на Нину Андреевну в обиде. Но божьего в этой женщине не было точно, моя мама называла ее не иначе как «чертова вдова», вызывая легкую улыбку у Карима, ко всем женщинам относившегося со снисходительной терпимостью.

Сейчас я с некоторой грустью отметила, что старушка заметно сдала, хотя и двигалась по дому, бодро стуча по паркету каблучками домашних туфель.

– Не буду спрашивать, зачем приходила к Кариму. И так ясно – сам позвал. Точно? Послушай, детка, скажу сразу, душок от его убийства нехороший. С чего это он из Англии вернулся? И неизвестно: Лизка, эта пьянь прохиндейская, с ним прибыла? Если да, то куда делась среди ночи? Или утром ушла? Я тут прикорнула немного, не уследила, каюсь, – смущенно призналась Нина Андреевна, а я удивилась – отчего ж немилость такая к жене Карима? Мне раньше казалось, жалует ее Таранова! Даже ради близкого знакомства как-то на чай, знаю, зазвала. Карим поделился с гордостью – видишь, мол, хорошая женщина моя Элизабет, вон и «черто-

ва вдова» ее признала. «А выходит, в дом свой пустила, чтобы только познакомиться поближе – что за птица... надо же – „пьянь прохиндейская“... придумала же как обозвать», – подумала я, пряча усмешку.

– Не лыбься, Аська. Что ты знаешь об этой колхозной иностранке? То-то и оно, что ничего! Отринула ее сразу, отгородилась от них обоих, обиду свою баюкать отправилась! Надо было прощупать, кого решил осчастливить твой отчим! А ты смылась скоренько из дома. Вот мне пришлось наблюдать, сколько бухла та таскала в квартиру, когда Карим уходил. Ужас. И все в одно жало выпивала – Карим-то трезвенник известный.

– Я не знала. Даже подумать не могла, – во мне что-то оборвалось, подступивший стыд заставил отвернуться к окну – так я попыталась скрыть слезы.

– Не реви, поздно. Теперь надо выяснить, где она, Лизка. Ты от следователя идешь, так? Как зовут его?

Я достала из сумки визитку и положила перед ней.

– Фирсов. Этого знаю, заходил, опрашивал соседей. Из новых, наверное. А Виталий мой уже пять лет как не на службе. На пенсии он, знаешь?

– Нет.

– О чем спрашивал тебя Фирсов? Подозревает кого?

– Спрашивал, знаю ли, что Карим вернулся, – ограничилась я одной фразой. – А когда он вернулся из Англии, Нина Андреевна?

– Вчера вечером. Я к окну подошла, а он как раз в подъезд заходит! С дорожной сумкой. Пока до двери дошла, открыла, он уже по лестнице поднимается. Один. Но показалось мне, что говорил он с кем-то. Я решила, это Лизка впереди шла. Карима к себе зазвала на минутку, новость ему сразу хотела выдать про отца твоего, что тот нашелся. Ошарашен был, но обрадовался. Я ему и про подвал, где ночует Михаил с нищобродами своими, рассказала. Ты мне скажи, давно отца видела?

– Сегодня... сидит на своем посту среди себе подобных. А при чем здесь он? Странно... И следователь спрашивал, знакомы ли они с Каримом?

– Вот как... А ты не знаешь? Знакомы, причем очень тесно! Я бы сказала – друзья.

– Да нет! Не может быть! Вы что-то путаете!

– Так твою налево! Да ты послушай... То, что Мишка Гиржель часто навещал здесь твою бабушку, то есть свою мать, факт! Оно понятно. И при сем всегда присутствовал Карим! Я не раз видела, как они обнимались у порога вашей квартиры, точно родные братья!

Я смотрела, как не на шутку разозлилась старушка, с каким упрямством настаивает на этой несурзанности: мой отчим и отец – друзья, и готова была вскочить и уйти. Но, решив получить от нее максимум информации, делать этого не стала. Одно уже знала точно – не миновать мне разговора с отцом.

Странная игра тянулась уже около трех месяцев – я проходила мимо храма, лишь кося взглядом в сторону группки нищих, но в то же время зная наверняка, что за мной наблюдает бородатый мужик в рванине и с мятой сигаркой в зубах. Он ее не курил – жевал, изредка сплевывая на грязный асфальт. Картуз тогда, летом, ушанка сейчас покрывали голову, но изпод них во все стороны торчали смоляные кудри без единого седого волоска. Сейчас он был в доисторического вида дохе, туго перетянутой в талии ремнем. Пуговиц не было, виднелись голая шея и густо покрытая волосами грудь. Летом же, как я помнила, эта же рыжая доха служила ему сидушкой. Такие подробности я рассмотрела на фотографиях, которые просила сделать случайных прохожих. Пачка распечатанных снимков была доказательством нынешнего нищенского существования боевого офицера Гиржеля Михаила Леонидовича, моего биологического отца. Я делала вид, что не замечаю его, прекрасно понимая, что он знает, что каждый день хожу мимо этого храма не случайно. Да, однажды, не найдя этого нищего на месте, испытала панику. В тот день я стала осиротевшей вдруг Асей Гиржель, потерявшей родного папу. Проплакав ночь, утром почти бегом двинулась к храму. Издали увидев знакомую фигуру, разозлилась, вновь посчитав себя обманутой...

– Что молчишь? Перевариваешь? Ох, не нравится мне возвращение Карима... Где Лизка-Лизабет? Убила и сбежала? Следователь-то ее подозревает?

– Да не знаю я, кто у него в подозреваемых ходит! Мутный он, Фирсов. И хам! – вырвалось у меня с досадой, и тут же я подумала вновь, что версия о причастности к убийству Карима его жены имеет под собой почву. – Вы следователю рассказали о том, что отец и Карим знакомы?

– Нет. Потому как не спрашивал. Захочешь, сама расскажешь. Вдруг Мишка Карима жизни лишил? За какие-нибудь старые дела... Сама разбирайся! К отцу пойдешь? Опустился совсем... Виталий мой пытался с ним говорить, все-таки он Михаилу – в прошлом боевой командир. В дом наш отец твой вхож был... Бесплезно все! Правду говорят, со дна мало кто поднимается. И еще тебе скажу, детка, – узнай, каким образом Кариму в нашем доме квартиру удалось получить! Тут сплошь высокие чины, – Нина Андреевна усмехнулась. – А он приехал, вселился, а потом уж и вас с матерью привез. Какой год был... девяносто четвертый... Виталий как раз незадолго до этого в Чечню воевать отправился...

– Карим не воевал!

– Вот именно... а откуда твоего отца знал? Какая-то история произошла там, в Чечне. Виталий знал бы, мне рассказал. А он – молчок! Загадок много! Что Мишку с Каримом связывало? Вроде соперниками должны быть, так нет – братья... так их!

– Я пойду, Нина Андреевна. К Соне зайти еще хочу. – Я не стала высказывать свои сомнения в искренности ее сына.

– Не ходи, нет у них сейчас дома никого. Ох, что-то не ла-

дится у нее с мужем. Как бы не до развода. Барковский еще месяц назад внуков в Раздольное забрал, они же с Валентиной там теперь постоянно живут, а в квартире молодые. Сам Марченко поздно возвращается, часто бухой в стельку. Ладно, что я как сплетница. Увижу Соньку, скажу, чтобы позвонила. Номер-то новый мне дашь? А то как-то набрала – а не существует такой!

– Телефон вытащили из кармана недавно, Нина Андреевна, записывайте.

– На-ка вот бумажку, запиши сама, в справочник потом внесу, не умею быстро. Мой номер есть у тебя?

– Да, у меня все номера в блокноте продублированы. Не первый раз мобильный теряю.

– Раззява... А вот еще... показалось вчера, что где-то около половины первого дверь входная тихо так щелкнула. Я к окну – спина удаляется, похожа на Карима! Наверное, он это был! Только какой-то... согбенный, да. Плечи опущены. Раньше-то вспомни – выправка как у военного! Но когда вернулся, не знаю. Спать и мне иногда нужно. Ладно, ступай. Михаилу привет. Пойдешь к нему? – вновь повторила она вопрос, а я подумала, что чего-то она недоговаривает, эта «чертова вдова».

Я вновь опоздала! У ворот на территорию храма толпился народ, издалека видна была ряса батюшки, полицейская форма и лохмотья нищих. Раздвигая толпу, бесцеремонно толкая всех, кто стоял на пути, я пробиралась к месту нового

убийства. На этот раз я была уверена, что увижу труп моего биологического отца Михаила Гиржея.

Меня перехватила пара крепких рук, я что-то пыталась сказать этому человеку в штатском, вырываясь из последних сил. Все менее четкими виделись черты его лица, знакомого и нет, все неразборчивей слова, что тот мне говорил. Я замерла, зажатая в тисках этих рук, пытаюсь сосредоточить взгляд, но поняла, что теряю сознание. «Врача сюда!» – услышала я крик и отключилась.

Глава 6

– Вы в порядке? – равнодушный голос вопрошающего взбесил, я окончательно очнулась – видно, чтобы прийти в себя, мне не хватало именно этой пресловутой «капли», в данном случае идиотского вопроса майора.

Я лежала на узкой лавке в крошечном помещении храма, где на полках были расставлены ладанки, иконы, а из обычных пол-литровых стеклянных банок торчали пучки свечей разного размера. Дверь была распахнута, с улицы тянуло свежим прохладным воздухом. Надо мной склонился Фирсов, из-за его плеча виднелись голова и плечи парня в белом халате. Парень неожиданно грубо отодвинул майора, и я увидела в его руке клочок ваты. Опасаясь, что тот сунет мне его под нос, я резво поднялась и тут же со стоном прислонилась к стене.

– Он мертв? – Я имела в виду отца, и была уверена, что Фирсов меня прекрасно понял.

– Кто? Еще один вычеркнутый из вашей жизни отец? Да, мертв. Безднадежно мертв. И вы вновь будете утверждать, что Гиржеля и Бахметева ничего не связывает? Кроме вашей матери, конечно, и вас.

– Ни-че-го! Все, что отчим рассказывал об отце, он сам узнал от мамы. Или от моей бабушки. Почему их убили одного за другим, не знаю! Почему это случилось именно сей-

час, тоже! У меня самой идет кругом голова от...

– Я заметил, – перебил меня Фирсов. – И часто вы так... падаете?

– Вас не касается! – отрезала я. – Еще вопросы? Или я могу идти домой?

– А куда вы направлялись до этого? И откуда? Каким образом оказались у храма? Давайте-ка угадаю – к отцу шли, так? Послушайте, Асия Каримовна, на самом деле у нас с вами цель одна – докопаться до правды. Ваши, извините, отцы убиты одним и тем же способом – филигранно перерезана сонная артерия. Они оба истекли кровью. Разница во времени – около четырех часов. Бахметев на момент убийства был у себя дома, замок убийца открыл отмычкой. Если бы соседская собака не залаяла, пробегая мимо квартиры, труп обнаружили бы вы, когда пришли, а не вызванный ранее участковый. Гиржеля убили прямо на его рабочем месте. Преступник дождался, пока тот останется один, – троим «сослуживцам» предварительно была подарена бутылка водки, и они убрались распивать ее в родной подвал. Где их, сонных, и нашли мои сотрудники. Вы знали, что ваш отец не пьет? То есть вообще не употребляет спиртного?

– Нет. Я с ним не общалась. Никогда!

– Ах, ну конечно. Вычеркнули из жизни, помню. А что, правильно – на черта такой нужен! Только вот, посмотрите, – Фирсов извлек из папки какой-то снимок в полиэтиленовом прозрачном пакете и сунул его мне.

На фото была я – выпускница школы. В том самом синем платье с кружевным лифом и широкой юбкой в пол. Немалая часть снимка была залита кровью.

– Он был в нагрудном кармане рубахи. Там же найдена и еще одна фотография. Это ваша мать?

– Да...

«Он что, любил маму? И меня? Помнил о нас? Чушь! Если, как утверждает Нина Андреевна, Гиржель часто бывал у нас дома, то почему я ни разу не столкнулась с ним? Почему приходил, когда меня гарантированно не было дома? А мама знала об этих визитах?» – мысленно задавая себе вопросы, на Фирсова я старалась не смотреть.

– А теперь все, о чем подумали, озвучьте! – приказным тоном произнес тот. – Я жду.

А вот ссориться с ним не стоило... Я вздохнула и выдала нейтральный вариант ответа:

– Я подумала о том, что мама так и не простила его, хотя, возможно, Гиржель и пытался как-то наладить отношения. Мне уж точно об этом неизвестно.

– Зачем вы к нему шли?

– Не выдумывайте. Просто шла мимо, – твердо произнесла я, вставая со скамьи. – До свидания.

«Главное, не обернись!» – скомандовала себе мысленно, удаляясь от церковных ворот. Я знала, кому можно задать хотя бы один вопрос о Гирзеле – его приемной дочери от второй жены. И этот вопрос – видела ли она когда-нибудь

наших отчимов вместе? Да, с Ольгой мы не были знакомы лично, но вот уже два года регулярно просматривали профили друг друга в одной из соцсетей.

– Я вызову вас повесткой! – донеслось вслед, но шага я не замедлила.

* * *

Тогда, в первом классе, Карим произнес всего несколько фраз о моем отце, но их оказалось достаточно для маленькой Аси. Михаил Леонидович остался для меня фигурой темной, скорее портретной, чем живым человеком. «У него другая семья, Асия, так получилось. Зато у тебя есть я! И я очень тебя люблю!» – Карим улыбался глазами, так умел только он один... Я не задала ему ни единого вопроса о Гиржеле, разом отгородившись от чужого мужчины. Сейчас я понимаю, что тогда меня остановил страх потерять Карима. Потерять как отца, заменив его в мыслях и сердце на кровного, хотя и незнакомого мне, родственника. Даже находясь в комнате у бабушки, я старалась не смотреть на фото над кроватью. При мне разговоры о второй семье Гиржеля не велось, я действительно не приняла его никак – ни сердцем, ни душой.

О том, что у Гиржеля есть приемная дочь, я узнала от Карима за неделю до отъезда его и Элизабет в Англию. «Ее имя – Ольга, она хорошая девочка, Асия. Вы могли бы познакомиться», – не глядя на меня, произнес он, а я с досадой

отмахнулась: «Ты-то откуда знаешь? С папочкой моим общался?» «Он пропал, Асенька, в две тысячи девятом. Маме твоей сообщила его жена Ирина, она тогда разыскивала его. Но напрасно, так и не нашли ни его, ни тела. А через год Ирина скончалась от рака. Оля с тех пор одна», – произнес он тихо и тут же, без перехода, вновь стал уговаривать уехать с ними в Беркшир.

Об Ольге, как о падчерице Гиржея, я вспомнила в тот день, когда обнаружила его среди нищих у ворот Воскресенского собора. Честно говоря, на эту улицу я забрела случайно, она была немного в стороне от моих основных пешеходных маршрутов. Но в тот день мимолетное знакомство с туристом из Москвы (парень отстал от группы), привело меня к этому храму – пришлось проводить туда «потеряшку» и сдать с рук на руки экскурсоводу. Хорошо, парень выяснил, что именно сюда все отправились после прогулки по набережной. Неожиданно для себя я зашла в храм, где не была ни разу – в бога (или вселенский разум) моя вера была непоколебимой, но церковь ассоциировалась либо с театром, если там проходила служба, либо с памятником архитектуры. Я рассматривала лики на иконах и вдруг заметила, что за мной ходит пожилая женщина в черном платке. «Вам нужно поставить свечу за здоровье близкому мужчине, ему грозит опасность», – она потянула меня за рукав рубашки. До сих пор не знаю, почему я починилась ей? Женщина подвела меня к иконе Архангела Михаила, протянула тонкую свечу и,

сдержанно кивнув, пошла прочь.

Я вышла за ворота храма, все еще «слыша» ее голос и пытаюсь понять, о ком это она? На ум тогда пришел Карим... Доставая из сумки мелочь, я с любопытством обзрела группку нищих, хором монотонно клянчивших подавание. Почему я задержала взгляд на одном из них? Мне показалось? Или... Не доверяя своей памяти, я прошла несколько раз мимо, вглядываясь в бородатого мужика с черными кудрями. Собственно, они, кудри, и привлекли внимание – я была обладательницей таких же. На третьем моем витке он вдруг снял картуз, вновь протянул для подавания, я машинально кинула сторублевую купюру, глядя в глаза попрошайке. В мои глаза – глубокий синий цвет я унаследовала от него... Мгновение узнавания, блеск нечаянной слезы, мой страх, стыд, даже ужас. Я быстро удалялась прочь, в противоположную от дома сторону, от меня шарахались прохожие, кто-то попытался схватить за руку... Это случилось почти три месяца назад, и с тех пор мой ежедневный маршрут от дома до лица и обратно изменился – я упорно делала крюк, сворачивая к храму.

Тогда, узнав Гиржею, я так и не решилась написать Ольге (профиль которой из любопытства все же нашла в одной из соцсетей) о том, что тот жив. Теперь же мне предстояло сообщить ей о его смерти.

Звонок мужа вывел из состояния сосредоточенной задумчивости – я шла домой, мысленно пытаюсь выстроить план

на вечер.

...Случайный мой муж при первой встрече назвался Ганей. Я тактично промолчала, не задав, видимо, привычный для него вопрос: а собственно, что за имя такое... девичье? Он внимательно на меня посмотрел и торжественно произнес: «Вот именно с вами, девушка, я и пойду на свидание!» Я не рассмеялась, мне в тот год было не до смеха – от меня уходили близкие, один за другим тихо выпадали из моего круга общения, оставляя щемящие душу воспоминания, и только. После отъезда отчима в Англию я проплакала сутки, но приближалась защита диплома, короткий отпуск и затем – работа в школе. Страшась одиночества, я часто ночевала у Барковских. Соня была беременна, мужа практически дома не видела, а родители на все лето съехали на дачу. Соню я потеряла, как только та родила Илюшку. В их немаленькой квартире теперь постоянно толклась куча народа – обе пары бабушек-дедушек (приехали с Украины и родители Соминоного мужа) плюс родная тетка Сони оспаривали право находиться при внуке. Мне места там не было.

В моей квартирке на Казанской было одиноко, но я очень скоро научилась ценить эту оторванность от внешней среды. Сидя на диване почти в полной темноте, под легкий гул процессора ноутбука, я все чаще задумывалась о том, что все утверждения, будто человек – существо парное, полная ерунда. Вот мне, Асие Бахметевой, не нужен никто!

Но, как психолог, я понимала – вот оно, начало грядущего

безумия...

Я пришла в школу, коллектив учителей принял меня настороженно – все были в курсе, что сам Осип Семенович Барковский, спонсор, привел меня в кабинет директора за руку. Приветлива была лишь Ирина Юрьевна, преподаватель английского языка. Но и она быстро исчезла из моей жизни – после зимних каникул выйдя замуж, в школу не вернулась. Связь с ней оборвалась сама собой – уезжая на жительство в Англию, она даже не попрощалась. Не найдя ничего лучшего, я стала в своих потерях винить себя.

Училка в депрессии – находка для учеников. Оттачивая на мне подростковый юмор, они не понимали, что грядет тот день, когда наступит конец. Им или мне – по обстоятельствам. Однажды, объясняя на геометрии новую тему и слыша за спиной лишь гул голосов с нередкими вскриками и смехом, я не выдержала. Указка в классе была лазерной, но транспортир старый, еще советских времен. Полукруг из натурального дерева, некогда покрытый бесцветным лаком, весил прилично – стук о мой учительский стол был услышан даже директором в своем кабинете. Многоголосый ор кучковавшихся вокруг первой парты учеников за секунды собрал весь педсостав у дверей кабинета, я же с торжеством взирала на замерший класс. Явный страх всех – от директора до самого наглого переростка Гулько, чистейшая тишина, моя уверенность в правоте совершенного, мгновенно превратили «Аську» в «Асию Каримовну».

Казалось бы, будь довольна, Бахметева, – с тобой начали считаться, держи власть, дерзай. А мне стало вдруг противно и стыдно – я потеряла себя. Вспомнился отчим, ни разу не прикрикнувший на ленивую Асю, – учиться в младших классах я не хотела, хоть убей. У него хватило терпения и любви, чтобы донести до меня простую мысль – узнавать новое может быть интересно и полезно.

Уйти из школы в середине года я не посмела, но летом написала заявление на увольнение.

Глава 7

Тогда, валяясь на пляже в одиночестве, я и познакомилась с Игнатом Потехиным – Ганей. То самое свидание, которое тот с уверенностью предрек, состоялось уже вечером. Кто из нас напился первым, позже не смогли вспомнить ни он, ни я. Но что мы помнили четко, так это предутренний спор – кто в семье должен готовить завтрак. Заявление Игната, что этим человеком будет он, я восприняла со смехом – моя маленькая кухня никак не вмещала Ганю. Ни целиком, ни сидящим у небольшого столика: одну свою ногу сорок пятого размера он накануне, уместившись на крошечном для него табурте, выставил в узкий коридорчик, благо кухонная дверь была снята с петель уже давно.

Пожились мы наспех через два месяца. В тот же день состоялось и открытие ветеринарной клиники Потехиных «Милый друг» (владельцы – отец и сын). Из ЗАГСа мы рванули на такси туда, успели к приезду из Сургута отца Игната, который женитьбу сына посчитал рядовым актом, а вот открытие «дела жизни» – знаковым событием. Один тост был все же им произнесен и в нашу честь: «Плодитесь и размножайтесь, аки все божьи твари!»

Вот с размножением у нас с Ганей не заладилось, активно плодились лишь хомячки, которых мой большой муж обожал до такой степени, что держал клетку дома в нашей спаль-

не. Мне казалось, они работают над потомством сутками, в отличие от нас, изредка вспоминаявших перед сном о супружеских обязанностях.

Лишь на третьем году жизни я выяснила, кто именно называл мужа Ганей. Ею оказалась его первая любовь, а не мама, как можно было предположить. Свекор при очередном визите как-то раз в сердцах высказал сыну, что, мол, девку ты какую-то квелую в жены взял – ни родить, ни пощупать. Вот Аннушка бы... Для ушей моих эта фраза не предназначалась, но, подслушав ее, я поняла, что брак наш обречен – Игнат в ответ предательски промолчал.

Хорошо, не было у меня к нему любви. Ни полкапли. Лишь ровное чувство к «милому другу». Предлагая расстаться, я даже не подозревала, что вызову такую бурю протеста. Игнат плакал как ребенок, клялся в верности, но не произнес ни слова о любви. На вопрос: «Что же так убиваешься – так сильно любишь?», он ничего не ответил – что ценила я в нем более всего, так это неумение врать.

Он все же выехал из моей квартиры, попросив не подавать на официальный развод. Я согласилась, в результате сохранив с ним добрые отношения...

Сейчас, пребывая в уверенности, что Герда Юренева будет Игнатом обласкана, вылечена и одарена лучшим кормом, не волновалась. Спокойна я была и за самого Макса. История с Юрениным хотя и казалась далекой, но удовлетворения от завершенного дела я не испытывала. Казалось бы, сдела-

ла все, что могла: и собаку нашла и пристроила, и Макса не оставила без помощи, поручив его Петру. Только почему тот не позвонил?

Вот в этот момент и запел мобильный. Я остановилась, достала телефон и, не посмотрев на экран, подключилась. Вслед за своей мыслью о мальчишке машинально назвав мужа Петром, получив гневную и ревнивую отповедь, выдала загадочный смешок (типа, понимай, как хочешь) и выжидательно замолчала. А Игнат неожиданно коротко приказал: «Обернись!»

Свою большую машину мой муж кое-как, боком, припарковал на стоянке банка, сам же, скрестив руки на груди, стоял посреди тротуара, не обращая внимания на прохожих, опасно обходивших его с двух сторон.

– Давно за мной следишь? – не удержалась я.

– От церковных ворот. Авто не мог притулить – понаставили знаков! А с какого перепугу вдруг такая набожность в тебе проснулась? И что там за сборище ментов, отпевают кого или по делу тусуются?

– Нищего какого-то убили, – не стала я посвящать бывшего мужа в подробности. – Что там с Гердой?

– Все в порядке уже. Ей ввели фенобарбитал в немыслимой дозе. И где взяли без рецепта, гаденыши?!

– Отец одного из подростков в ветклинике работает. Похоже, задумали они акцию давно, но я не успела выяснить, за что они так с Максом.

– Макс, значит... и кто он тебе? А я-то подумал, ты просто мимо проходила...

– Мимо и проходила! А Юренев – бывший одноклассник, – вот обсуждать сейчас с Игнатом мою первую любовь я была не готова. Хотя мой муж все знал...

В первую нашу встречу я жаловалась и плакала. Об этом наутро сообщил мне Игнат, вытянувший у меня все подробности о подлом поступке Юренева. «Хочешь, убью его?» – спросил вполне серьезно, а я рассмеялась. Рыхлый и неспортивный, хотя и очень высокий Ганя в моих глазах был смешным и добрым. И никак не мог никого убить. Мастер спорта по дзюдо Юренев вырубил бы его, уверена, одним точным ударом. Шансов у Гани не было. На мой смех он не отреагировал, только сжалась в кулак правая ладонь и потяжелел взгляд. Я тогда быстро сменила тему...

– Так вот он какой... вижу, судьба наказала! Ладненько. Собаку отдам завтра к полудню. Сама заберешь? Могу и к дому подвезти, куда прикажете.

– Я не знаю, где сейчас живет Юренев. Паренек, что с нами был, должен был проводить его до квартиры. Что-то не звонил пока... Я наберу тебе утром, Ганя, потом решим. Спасибо!

– Лады. Тебя подвезти?

– Не нужно, прогуляюсь.

Почему я не сказала ему, что за сегодняшний день дважды осиротела? На этот вопрос ответа не было. С грустью

подумав, что вот и Ганя стал для меня совсем чужим, даже с днем рождения забыл поздравить, я махнула на прощание рукой и побрела дальше.

До дома я добралась за десять минут, еще две мне понадобилось, чтобы дойти до квартиры и открыть замок. Парня в темной куртке, который спускался по лестнице и слегка задел меня плечом, я не знала. Почему вдруг решила, что он цыган? Блеснула цепь на запястье, когда он поднял руку, чтобы накинуть на кудрявую голову слетевший капюшон, на тонком пальце сверкнул красным камнем перстень. Мысль, что слишком уж много золота, мелькнула и тут же пропала – я вошла в квартиру...

Никогда бы не подумала, что еще раз по доброй воле наберу этот номер. Серый кусок картона дрожал в моей руке, мешая точно разглядеть цифры. В ответ на с досадой прозвучавшее: «Слушаю», я пролепетала, что меня обокрали, и расплакалась.

Приказ Фирсова ничего не трогать я выполнила буквально – опустившись на низкий стульчик в прихожей и вцепившись в свою сумку, застыла в неподвижности и просидела так до его приезда. То есть ровно девятнадцать минут. Рассуждать трезво не получалось. Одна только мысль, что, приди я минутами раньше, случился бы еще один... труп? Мой собственный! Представив себя бездыханно лежащей с перерезанным горлом на полу прихожей, я вскочила, подбежала к двери и закрылась еще и на цепочку. Такого страха я не

испытывала уж точно никогда. Прислушиваясь к звукам за входной дверью – нет, вроде тихо, я не сразу заметила мигающую лампочку на домофоне – звонок был у меня отключен.

– Бахметева, вы там что, уснули?! С вами все в порядке? Впустите же наконец меня в подъезд! – рявкнул динамик голосом Фирсова.

Несколько минут наедине, ни одного вопроса, лишь презрительный взгляд, каким он дважды одарил меня – сначала, когда осматривал замок (ну, хлипкий, да...), и позже, когда открыл дверцы стенного шкафа: вещами тот был забит под самый потолок. Идеальный порядок, наведенный при генеральной уборке в прошлом месяце, нарушил на днях Игнат, доставая зимнюю куртку: он до сих пор хранил здесь свою сезонную одежду.

– Ну и что все это означает, как думаете, Асия Каримовна? – задал уже спокойно вопрос Фирсов, впуская в квартиру двоих: участкового и пожилого мужчину в штатском.

– Похоже на ограбление... или нет? – Я рискнула посмотреть ему в глаза и невольно вздрогнула – на этот раз во взгляде было веселое любопытство.

«Черт, нужно было просто позвонить в участок, прислали бы дежурную группу», – подумала я. Мое запоздалое сожаление было прервано приказом: «Пройдемте!»

Когда-то мама на мой вопрос, почему она во всем слушается Карима, ответила одним словом – «люблю». Мне, десятилетней девочке, только что получившей от отчима катего-

ричный отказ в поездке с родителями Сони на дачу, было обидно до слез. Причину Карим не озвучил, она стала понятна лишь ближе к вечеру – он приготовил нам сюрприз: шестичасовую прогулку на теплоходе. Оказалось, нам есть что отметить – очередную годовщину их с мамой свадьбы. «Он мог бы устроить романтический вечер Лидии, все-таки это их праздник. Но Карим считает этот день датой рождения нашей небольшой семьи. Он – великодушный человек, Асенька», – бабушка, надев свое лучшее платье, уже была готова к выходу. Мне же оставалось лишь заплести косу. От стыда за себя (забыла, да и наговорила отчиму много чего лишнего) я расплакалась.

Косу мне заплетал Карим – быстро справиться с непослушными жесткими кудрями удавалось только ему...

Наверное, Кариму я обязана тем, что во многом веду себя как покорная восточная женщина. Вот и сейчас я молча подчинилась Фирсову, направившись в первую очередь в спальню.

Кто бы ни рылся в моих вещах, сделал он это аккуратно. Кучки одежды из гардероба лежали рядком на кровати, ящики комода были просто выдвинуты. Досталось лишь книгам. Опустошив полки, вор оставил тома на полу.

Фирсов достал из кармана тонкие перчатки и, с трудом натянув их на руки, в первую очередь подошел к пачкам книг. Присев на корточки, он бегло просматривал одну книжку за другой и ставил на полку. Пару раз, прочтя название, он бро-

сил на меня удивленный взгляд. Я видела, что в тот момент он держал в руках – любовные романы в мягкой обложке.

– Ай-ай, Асия Каримовна... вроде бы такая серьезная женщина, математик... психолог... а такую ерунду читаете!

– А такие, как вы, вообще ничего не читают! – парировала я. – Можно я сама потом... приберусь? Без вашей помощи!

– Да пожалуйста! – Фирсов поднялся. – У вас есть сейф или еще какой-то тайник? С драгоценностями. – В голосе следователя мне послышалась насмешка.

Я уже и сама потянулась к дверце прикроватной тумбочки, поняв, что на ключ та не закрыта. Там, в большой шкапулке ручной работы, хранились мои украшения, ценность которых для опытного вора была сомнительна – золото я не любила, а эксклюзивная бижутерия вызывала восторг лишь у ценителей.

– Стоп! – вновь прозвучал короткий приказ. – Не трогайте!

Пока эксперт снимал отпечатки пальцев, Фирсов под мою диктовку составлял список украшений.

– Это все? – На этот раз он смотрел на меня как на экзотического зверька. – А золото, бриллианты?

– Вот! – Я показала ему безымянный палец правой руки, на котором красовался узкий золотой ободок.

– Обручальное? Так вы же одна живете! Зачем народ в заблуждение вводить?

Я что-то не поняла – о каком он народе? Кому вообще де-

ло до моих... колец на пальцах! Конечно же, первым желанием было ответить: «Не ваше дело!» Конечно, я могла бы оправдаться – официально мы с Игнатом не разведены, но я лишь пожала плечами.

– Я закончил. – Эксперт поставил на тумбочку шкатулку. – Посмотрите, все ли на месте?

Странный вор прихватил лишь небольшую подвеску на тонкой серебристой цепочке: плоская малахитовая змейка с металлическим хвостом в виде плоского же ромба. Глаз змеи был красного цвета, я даже не знала, какой это камень – как-то не задавалась ранее этим вопросом. Но змейка была подарком Карима, о чем я тут же сообщила Фирсову.

– Вы по-прежнему настаиваете, что у Бахметева и Гирже-ля не было общего прошлого? – на этот раз голос майора прозвучал устало.

Глава 8

Вот так прошел мой день рождения. Два трупa, знакомство с хамоватым следователем, встреча с давно забытым прошлым – Юренивым. Положительных эмоций – ноль, букет от коллег и подаренные директором лица полдня свободного времени не в счет. То, что не поздравил Игнат, понятно – на моей памяти заранее приобретенный подарок он вручил ранним утром лишь однажды. Но молчание Сони обидело...

Вскоре после ухода Фирсова позвонил Петр – парень не только сопровождал Макса до дверей квартиры, но и сходил за продуктами. «Герду я завтра днем приведу из клиники, с вашим мужем договорился, не беспокойтесь», – закончил он и, попрощавшись, отключился.

Домофон мигал красным огоньком, сейчас я уже вспомнила, почему отключила звонок еще вчера вечером – дважды кто-то посторонний пытался прорваться в подъезд, нажав вызов случайной квартиры. Следом пришла мысль, что это мог быть все тот же сегодняшний вор – накануне из динамика в ответ на мой вопрос не раздалось ни звука.

– Кто там? – спросила я настороженно.

– Аська, долго еще будешь меня держать на улице, а? Не лето! Холодно! Открывай, именинница!

Я не сразу поняла, что вижу на Соне тонкий плащ. Плащ!

Когда на улице минус пятнадцать! И что он явно чужой – плечи свисали, а рукава были подвернуты несколько раз. Шелковое кашне, намотанное под воротник и завязанное узлом, было мужским, я даже знала, чье оно – Сониного отца. Точно такое же кашне было когда-то и у Карима – наши с Соней мамы как-то раз случайно положили под елку одинаковые подарки своим мужчинам.

– Так, Аська, ничего не спрашивай, отдышись, сама расскажу. На, держи, тебе она всегда нравилась. – Соня протянула мне атласный мешочек, обняла и чмокнула в щеку. – С днем рождения, подруга!

Я развязала шнурок. На ладонь выскользнула винтажная брошь от «Трифари».

– Нет... не возьму. – Я не в силах была оторвать взгляд от «жемчужного» букетика. Но мне было известно, как досталась ей эта вещица – она купила ее в небольшом магазинчике в Киеве на первые заработанные самостоятельно деньги. Что должно было произойти, чтобы Соня добровольно рассталась с любимым украшением?

– Возьмешь! И будешь хранить вечно в память обо мне. Потому что еще один скандал с мужем я не переживу. – Соня, сняв свои затемненные очки с диоптриями, смотрела на меня со страхом.

В этот момент вновь замигал огонек на домофоне.

– Только не открывай! Это Денис! Он совсем слетел с катушек, пьет уже в клинике, запершись от персонала. И сей-

час он невменяем, Аська! Не открывай.

Ох, не зря я не стерла то видео, которое передал мне наш с Сонькой одноклассник Сашка Сытов. Он был кинооператором на свадьбе Сони и Дениса. Марченко и здесь сэкономил, пожалев денег на профессионала и пригласив снять свадебный фильм студента первого курса ВГИКа. Сашка сделал, что мог: свадьба была скучной, показушной и нужной лишь самому жениху – с его стороны гостями были сплошь полезные ему чиновники с женами (он готовил к открытию стоматологическую клинику, деньги дал после долгих уговоров дочери полковник Барковский). Сонины родители, изначально не желая дочери в мужа Марченко (привезла она жениха из поездки в Киев), о торжестве сообщили лишь Сониной тетке. Собственно, как сказал мне Сытов, снимать было нечего, он шлялся по коридорам отеля, в ресторане которого была свадьба, пока в укромном уголке не заметил жениха, с пылом нетерпеливого подростка обхаживающего горничную. Фирменное платье уже было задрано к талии, Марченко торопливо расстегивал брючный ремень. В этот момент Сашка включил запись на камеру. Вполне профессионально снятый пятиминутный эпизод он позже смонтировал отдельно и отдал мне со словами: «Вот же Соньке урод достался...»

Да, я сейчас готова была применить шантаж.

– Иди в комнату! – приказала я Соне, нажимая кнопку микрофона и пожалев, что жители нашего подъезда поску-

пились на установку видеосвязи.

– Открывай, Бахметева! Со мной полиция, Сонька вынесла из дома все золото! Воровка! – Муж Сони с трудом ворочал языком, явно употребив запредельное количество крепкого спиртного.

Злость во мне искала выхода, и, будь этот алкаш рядом, я бы не смогла сдержаться. Как сбить с ног подсечкой нетвердо держащегося на ногах пьяного мужика, меня научил Карим. Правда, на практике я прием применила лишь раз в жизни.

– Слушай меня внимательно, Марченко. Не уберешься на счет «три» – известное тебе видео отправится на смартфон Осипу Семеновичу. Что он с тобой сделает, боюсь даже предположить. То, что отправишься баюкать обиду в свое родное село под Киевом, даже не сомневайся. Начинаю отсчет – один... ты еще здесь? – взяв себя в руки, произнесла я.

– Тварь ты, Бахметева! Думаешь, тебе долго осталось? Сдохнешь, как твой отчим! И к тебе придут! – донеслось из динамика.

– Зря ты так! Два, три, отправляю! – быстро проговорила я, нажимая «переслать видео» на телефоне. – Готово, Марченко! Беги шмотки собирай.

* * *

– Я не спрашиваю, почему ты мне не рассказала тогда, в день свадьбы, – это понятно: та Соня была влюблена до оду-

ри и уничтожила бы ролик сразу. Но почему ты не показала мне его в тот день, когда Денис выгнал меня с Илюшкой из дома? Без вещей и денег! Из родительской квартиры! – Соня, переодевшаяся в мою домашнюю пижаму, сидела, забившись в угол дивана.

– А ты не помнишь, как уговаривала меня не сообщать об этом факте отцу? Как плакала, оправдывая Марченко, что устает, бедный, руководить клиникой, приходит за полночь, живет, бедняга, в постоянном стрессе! А денег все не хватает... Я замазывала тебе синяки тоналкой, а ты пела дифирамбы мужу. Я тогда слушала и понять не могла – ты дура или любовь у тебя такая дурная? Мы почти поссорились, помнишь? Когда он позже приехал, весь такой виноватый и жалкий. Все простила! Чуть не волком на меня смотрела – мол, видишь, раскаялся Дениска. Теперь все будет по-другому. А после этого случая ты перестала мне звонить...

– Это ты мне не звонила бог знает сколько времени!

– Сонька, да ты же вскоре опять беременной сделалась. По срокам выходит, вы в тот день так мирились... бурно, что Инку заделали? Не красней, не девочка. Представь, я, да и родители твои, уверена, были в шоке. Каюсь, решила не встревать в ваши с Марченко отношения. Потому как теперь ясно – такие «марченки» не меняются, диагноз у них пожизненный.

– Он талантливый руководитель, Ася. Не отнять...

– И даже не начинай! Все! Пора заканчивать это нытье.

Мы сейчас поссоримся, и я выгоню тебя на улицу в том же плаще, в котором ты пришла!

– И свитерка теплого не дашь? Или шарфика с шапочкой? – Соня улыбалась. – Помнишь, твоя бабушка связала нам одинаковые комплекты? Шарфы в бело-сине-зеленую полоску, а шапки разные.

– Твоя – зеленая, моя – синяя.

– Точно. Сказала – под цвет глаз. Ась, что происходит, а? Карима убили, а ты ко мне даже не зашла! Хотя бы в клинику...

– Прости! Была у Тарановой, она отговорила – сказала, вы все в Раздольном. И, если честно, ждала твоего звонка с поздравлениями. Глупо, конечно, но даже обидеться успела.

– Ты подумала, что я забыла? Да и не уезжала я из города, напутала Нина Андреевна. В клинике была до последнего пациента. А к тебе собираться стала, Марченко докопался. У него новая фишка, Ась, – мол, я детей родителям сбагрила, чтобы мужиков домой водить. Он-то в клинике «сутками пашет», иногда и ночевать остается.

– Придурок. Он серьезно?

– Вроде того. А что ты у «чертовой вдовы» делала? – перевела Соня тему.

– Зашла узнать, не заметила ли, когда Карим вернулся. Подумала, вдруг уже давно в городе, а ко мне ни ногой? Но нет, вчера вечером приехал. Сонь, только смерть Карима сегодня не единственная, убили и моего отца Михаила Гирже-

ЛЯ...

Глава 9

Вот именно этого мне и не хватало – ее скупых эмоций. Соня не охала, не задавала бессмысленных вопросов «а как же?», «а кто же?», не выражала сочувствия. Она молча слушала, изредка прикладывая тыльную сторону ладони к губам, словно запрещая себе говорить. На ее побледневшем лице жили лишь глаза, то наполняясь слезами, то темнея радужкой.

– Следователь ушел буквально незадолго до твоего прихода, – подытожила я свое повествование. – Завтра утром этот хам ждет меня на допрос.

– По-моему, он просто делает свою работу. Не понимаю, почему ты так злишься? Кстати, о «цыгане» рассказала?

– Нет! Да я вообще в его присутствии обо всем забываю!

– Сильно! Даже любопытно, что за монстр такой этот майор? Имя-то у него есть? Впрочем, не важно... Вот что! Я знаю, что можно сделать уже сейчас. Позвонить отцу. Странно, что он сам еще... а ты точно ему видео грехопадения Марченко скинула?

Я машинально кивнула в ответ, тут же вспомнив о последних словах Тарановой. Да, пожалуй, Осип Семенович сможет ответить на вопрос, каким образом Кариму досталась квартира в доме высших военных и милицейских чинов.

– Время, Сонь, позднее, давай все звонки на завтра. По-

слушай, до меня вдруг дошло, что о прошлом отчима я ничего не знаю. Я имею в виду подробности. Выходит, не интересовалась? Не может быть! Наверняка задавала вопросы. Ответа не было? Почему-то вся его жизнь для меня – только с нами! А до нас? Знаю, что родился в Москве, много ездил по миру. Знаю, что имеет два высших – техническое, и... черт, забыла... да, учился в Питере, в художке. А с мамой познакомился здесь. Скажи, вы давно живете в этом доме?

– Очень давно, квартира еще деда. Он дослужился до генерал-майора, поэтому квартиру эту получил законно. Бабушка только после его смерти уехала в Раздольное.

– А Карим?

– Как рассказывала мама, Карим привез вас, когда мне исполнилось три года. В день моего рождения. Тебя, чтобы не путалась под ногами при разгрузке вещей, мама сразу забрала к нам. Она вспоминает до сих пор, как ты ходила по моей детской и боялась дотронуться до игрушек. Такая вся деликатная, вежливая. Я-то росла балованным ребенком – если что хотела, ревом добивалась. Это уже позже отец вдруг озаботился моим воспитанием. Пошли запреты на любое баловство... Мамы наши сразу нашли общий язык, но с моим отцом вообще трудно общаться. Мне иногда кажется, он нарочно ни с кем близко по жизни не сходилась. Я имею в виду, что друзей у него нет. Я таковых не знаю! Хотя помочь готов любому. Вот и с отчимом твоим поддерживал лишь соседские отношения. Не думаю, что и тот с папой откровенничал.

– А кто жил в квартире до нас? То, что она принадлежала на правах собственности Кариму, я знаю. Позже, когда мне исполнилось шестнадцать, он по одной трети отписал мне и маме. Он жил там один? С какого времени? Знаю, что мама стала ему первой законной женой. А ему исполнилось тогда уже тридцать пять!

– Ничего странного. Не все мужики сразу лезут в петлю брака. Карим женился на тете Лиде по любви, к гадалке не ходи. А почему тебе это так важно, где он жил?

– Таранова утверждает, что отец и отчим были знакомы. И очень близко. Мне даже показалось, она так ловко подвела меня к мысли, что это отец убил Карима! Мол, на почве давних разногласий. И в то же время она уверена, что они были чуть не друзьями. Что-то тут не сходится. Где они познакомиться успели?

– Возможно, они встречались, когда Гиржель навещал мать?

– Да, но почему Карим присутствовал при этих встречах? И все это происходило в то время, когда его любимая дочка Асия была в школе!

Я вновь испытала досаду. Чувство, что меня обманывали близкие, лишало опоры. Той надежной правды, за которую цепляется каждый ребенок, выросший в полноценно счастливой семье.

– Ася, а нужно оно тебе, это копание в прошлом?

– Да, Сонечка. Я бы сказала – зерно упало в почву. И

этим зернышком, хотя может показаться странным, стала не смерть Карима, а «воскрешение» из мертвых Гиржея. Можешь не верить, но, впервые увидев его среди нищих, я испытала такой страх, что готова была бежать в полицию. Понимаю, глупо. Но должна быть причина для этого его бегства ото всех. И я боюсь, что ее, эту причину, уже не узнать. И женитьба Карима на Элизабет тоже выглядит... бегством! Думаешь, почему я с ним резко порвала? Со дня смерти мамы прошло девять месяцев, Соня! А он влюбился снова! И тут же женился. А потом они как-то быстро умотали в Англию. Причем Карим приложил максимум усилий, чтобы уговорить меня уехать с ними!

– Уверена, что влюбился?

– Тогда, шесть лет назад, даже не сомневалась. А сейчас думаю, что были для такой спешки причины. По крайней мере, как вариант – две. Первая: здесь все напоминало о маме, то есть Кариму было просто психологически тяжело. Это я еще могу понять. Не принять, нет, конечно. Объяснить. Подвернулась Лизка, такая вся симпатичная вдовушка, молодая, да еще с заграничной недвижимостью. Влюбить ее в себя так, чтобы голову потеряла, для Карима, уверена, не составило труда.

– А вторая причина?

– Здесь сложнее. И все мои выводы основаны скорее на интуиции, чем на четкой логике. И подумала я об этом только сегодня, когда Нина Андреевна только что не материлась,

настаивая на том, что Гиржель и Карим были близко знакомы. Видела бы ты, как разозлилась эта ведьма, когда я возразила! Допустим, что на самом деле у них существует какое-то совместное прошлое. Кстати, следовательно на этом тоже настаивает, но тут все ясно: раз убили одним способом, да в один день – уже связь! Так вот, о прошлом. Что, если Карим был знаком с Гиржелем в то время, когда влюбился в маму? Мой биологический отец тогда жил уже с другой женщиной, никакого отношения к нам с мамой не имел. Так... мне было три года, значит – девяносто четвертый год... стоп! Нина Андреевна сказала, что ее сын в это время воевал в Чечне. А он был боевым командиром Гиржеля. Не сходится что-то... Тогда остается одно – мама сама их познакомила. Или бабушка. Карим мог застать Гиржеля, когда тот пришел навестить мать. А дальше – полный абсурд. Они вдруг настолько сближаются, что при прощании обнимаются, как старые друзья! Нина Андреевна наблюдала, по ее словам, эту трогательную картину не один раз.

– Не понимаю, что тебя так удивляет? Нормальные отношения взрослых мужчин. Никто никому не должен. Ну, любили одну женщину, но в разное же время!

– А я все же думаю, где-то они пересекались раньше, еще до встречи Карима с мамой. Короче, Соня, мне нужно попасть в ту квартиру. Там опечатано, придется следователя просить. Черт! Да! И нужно все-таки сообщить Ольге о смерти ее отчима.

– А стоит? Для нее он давно мертв. Учитывая, что он ее вырастил как дочь, удар серьезный.

– Так я уверена, что следователь ее завтра так и так на допрос выдернет. Меня же, как только Карима не стало, допросил! Брр... как вспомню... Представляешь, у меня приступ, а он сунул стакан с водой и таким рыбьим глазом косит – мол, скоро ты там придешь в себя. Никакого сочувствия!

– У него работа такая.

– Что ты его оправдываешь все время?! Человек он или робот? – Я подозрительно покосилась на Соню, одновременно открывая крышку ноутбука. – Ладно, не о нем речь. Ольга... Если она в Сети, напишу свой номер, попрошу позвонить. Срочно. Что там со временем?

– Пять минут девятого.

– В Сети на мобильном, – я написала короткое сообщение. – Всё, ждем.

– Ты о ней что-нибудь знаешь? Чем занимается?

– Хирург-офтальмолог в областной глазной клинике, кажется, не замужем. Во всяком случае, фотографий с женщиной у нее на странице нет. Детских тоже. В основном все альбомы заполнены снимками из путешествий. Да и тех не так много. Вот, смотри. – Я повернула ноутбук экраном к Соне.

– Лицо приятное... – Соня посмотрела на меня с сомнением.

– Ну да. Не красавица.

– И вы даже не переписывались?

– Нет, только лайки друг другу регулярно ставили на фото. Вроде вежливый паритет. И не друзья... Да, добрый вечер, слушаю, – ответила я на вызов. – Ольга, я хотела вам сообщить... вы в курсе? Ах, следовательно... приедете? Хорошо, записывайте адрес.

– Неужели приедет? Сейчас?

– Да. Сказала, что живет близко, у речного порта. Как я и думала, ей завтра утром тоже идти в следственный комитет. Поэтому и хочет пообщаться до того. И у нее для меня имеется важная новость. Важная, Сонь! А что может быть важнее убийства близкого человека?

Глава 10

– Где можно вымыть руки? – Ольга, покосившись на тапочки, предложенные мной, достала из сумки бахилы, натянула их поверх теплых носков и только тогда посмотрела прямо на меня. Ее блуждающий взгляд с того момента, как я открыла дверь, суетливое волнение заставили меня напрячься – я сразу подумала, что гостья пришла не с добром.

– Прямо по коридору вторая дверь, – указала я кивком, отходя чуть в сторону – в моей крошечной прихожей беспроблемно разойтись могли только две такие худобы, как мы с Сонькой. Ольга же весила не меньше ста килограммов, основная масса приходилась на нижнюю часть туловища, но талия была выражена четко, делая полную фигуру по-женски привлекательной.

Я опустила глаза и тут же поняла, почему гостья отказалась от тапок – она чувствовала бы себя в них как на лыжах, такой маленькой была ее ножка.

– Тридцать третий размер бог дал, – спокойно прокомментировала Ольга мой взгляд, ничуть не смутившись.

– Чай, кофе? – успела я бросить вслед, но в ответ прозвучало короткое «нет». «Ничего, значит, не хотим. Ладно, будем пить вино», – отчего-то мне стало весело. Я вернулась в комнату, на вопросительный взгляд Сони пожала плечами и улыбнулась. Доставая чистый бокал из горки, замешкалась –

за отсутствием достаточного количества посуды одна из полок была заставлена фотографиями в рамках. Среди них был и портрет Гиржеля, висевший когда-то над кроватью бабушки в квартире Карима. Я взяла его и зачем-то задвинула в угол. Закрыв стеклянную дверцу, поставила на стол бокал, десертную тарелку из стопки на краю стола, положила вилку и нож. Из закусок к вину были пармезан, салями и бутерброды с икрой. Горячее – запеченную в фольге семгу я из духовки так до сих пор и не достала.

– Добрый вечер, – Ольга протянула руку Соне. – Ольга Гиржель.

– Софья Барковская, – слегка коснулась кончиками пальцев ее руки моя подруга.

Я, наблюдавшая за церемонией знакомства со стороны, сделала лишь один вывод – симпатия с первого взгляда между ними не возникла, откровенного разговора с Ольгой может и не получиться. Я ошиблась.

– Начну, девушки, с главной темы. – Ольга полезла в сумку. – Ася, с днем рождения.

Она протянула мне раскрытую ладонь. На ней лежала подвеска, украденная у меня сегодня буквально несколькими часами ранее.

Я застыла, не зная, как поступить – скрутить нахалку (вдвоем с Соней, может быть, и справимся) и вызвать полицию или для начала выслушать? Немая сцена затянулась. Соня с ужасом смотрела на меня, я со злостью – на Ольгу.

Ольга же была спокойна.

– У тебя должна быть такая же. – Она тяжело опустилась на стул, положила подвеску на скатерть и потянулась к бутылке с минералкой. – Эту змейку дал мне отец. То есть Гиржель Михаил Леонидович. Я должна была передать ее тебе в день, когда узнаю о его смерти. Только он не предупредил, какая его ждет смерть... Ася, да сядь ты! У меня сегодня было четыре операции, я только в половине девятого вернулась домой. А тут сообщение от тебя. Пока ехала из клиники, догнал звонок следователя. Противный тип. Хам, если проще сказать. Но не суть. Сообщил, что отца нашли мертвым на рабочем месте. Ты же в курсе, где он «работал»?

Я машинально кивнула, испытав огромное облегчение от ее слов – подарок Карима унес вор, эта подвеска была лишь копией моей.

– Поясню сразу: я – родная дочь Гиржеля, хотя он меня по документам и удочерил. Поэтому «выкать» было бы странно, мы с тобой, Ася, единокровные сестры. Вот эту, не знаю, приятную или нет новость, я и хотела до тебя донести. И если, сестрица, ты меня сейчас не накормишь, упаду в голодный обморок.

– Соня! Там, в духовке...

Соня метнулась на кухню, я же продолжала неприлично пялиться на Ольгу.

– Почему же ты не открылась раньше? Я же ничего не знала! Господи, у меня же куча вопросов теперь!

– Отец запретил. А до семи лет сама думала, что Гиржель меня удочерил, когда женился на моей маме. Ты посмотри – я на него не похожа, в маму удалась. Человеком она была чудным, доброта на грани самоотречения, к ней, как к участковому терапевту, и душу лечить в очередь записывались. А внешность не очень. Знаю, отец ее не любил никогда. У них все произошло-то только раз, после чьей-то свадьбы, кажется маминой подруги.

– Что ты говоришь! Он же нас бросил, к вам ушел! Как же не любил?

– Пожалел. У мамы рак обнаружили, она испугалась, что я сиротой останусь, ему рассказала, что несколько месяцев назад родила дочь. А он все решил сам. Не буду грузить подробностями, но его заслуга, что мама еще почти двадцать лет жила.

– Моя мама знала, почему он ушел к вам?

– Нет, он убедил ее, что любит другую. Я как-то подслушала разговор родителей, мама упрекала его в равнодушии, спрашивала, почему не уходит обратно к вам. «К Лидии обратной дороги нет. Она уверена, что я полюбил другую. Да и все у них с Асей хорошо и без меня». Как-то так он ответил, не помню точно.

Я тут же вспомнила наши с мамой фотографии, залитые кровью Гиржеля.

Ольга с удовольствием ела рыбу, запивая вином. Я терпеливо ждала, подливая из бутылки всем.

– Спасибо, очень вкусно. Вот видишь, еще один талант тебе достался от отца – он великолепно готовил. А я безрукая хозяйка – и дома уюта нет, да и питаюсь полуфабрикатами. Скажу, предупреждая твой вопрос, – муж был, разошлись, говорить об этом эпизоде длиною в девять месяцев даже не стоит – выгнала мужика за пьянки. Хотя хирургом он был неплохим, да... Ты знала, что отец совсем не пил?

– Странно, что ты задала тот же вопрос, что и следователь. Это что, так принципиально?

– Сейчас поймешь почему. Мне мама вкратце рассказала перед смертью. Гиржель – еврей, тебе известно. А в Чечне принял ислам. Догадываешься зачем?

– Да я вообще не знаю, как он туда попал!

– В девяносто втором его внедрили в одну из банд Дудаева, в январе девяносто пятого он вернулся домой. Там какая-то мутная история с побегом, ранением – мама сама толком ничего не знала. Только спина у отца вся в шрамах, как будто его плетьюми секли. Сама видела. За три года отсутствия я его забыла напрочь – мне года не исполнилось, когда он уехал в Чечню. Вернулся, работал в управлении внутренних дел до две тысячи девятого года. А потом исчез.

– Да, я знаю об этом. Карим, мой отчим, рассказал накануне отъезда в Англию. И тогда я узнала о тебе, – я задумалась.

– Ася, выходит, они все же были довольно близко знакомы, Карим и Гиржель. Таранова права, – «озвучивая» мои

мысли, Соня смотрела только на меня.

– Так вот. Я думаю, его исчезновение и сегодняшнее убийство связаны с этими старыми чеченскими делами. Хотя и здесь у меня есть сомнения – сроки. Прошло столько лет! Если это месть, то уж совсем остывшая, – казалось, Ольга не обратила на реплику Сони никакого внимания.

– Ты знала, что отец нищенствует, почему не помогла? Когда он «нашелся»?

– В январе этого года. Пришел ко мне в клинику вполне прилично одетый, выбритый. Успокоил, что жив-здоров и... исчез еще на полгода. Следующая наша встреча состоялась уже летом у ворот храма. Конечно, я хотела его забрать домой, но он отказался. Не поверишь, ему даже удалось убедить меня, что он добровольно отказался от нормальной жизни! Пожелал счастья, но обнять не рискнул, – Ольга усмехнулась.

– И запретил тебе о нем говорить кому бы то ни было? Даже мне? Он чего-то боялся, не заметила?

– Да нет. Был благостно-спокоен, крестился как православный, то и дело поворачиваясь лицом к храму. В общем, вел себя как верующий нищий, которому ничего в этой жизни не нужно, кроме людских подаяний. При прощании объяснил, где лежит эта подвеска-змейка, и попросил, чтобы я передала тебе ее, когда его не станет. Безделушка все это время валялась в шкатулке среди маминой бижутерии, я туда и не заглядывала, стирала пыль с крышки раз в две недели.

После его просьбы еле отыскала змейку, спрятала в бумажник. Кстати, твоя где? Давай посмотрим, может быть, они как-то соединяются или дополняют друг друга?

– То есть ты не в курсе, что это за ценность такая?

– Нет, Ася. Я не знаю, как Гиржель оказался на паперти, я не в курсе, где он пропал столько лет, – на эти вопросы он мне не ответил. А теперь его убили! Меня достала эта неизвестность, и я, честно, начинаю бояться. Вчера соседка по лестничной площадке видела, как возле подъезда крутился какой-то щуплый высокий мужик, как она выразилась. Смотрел на мои окна. Она подошла к дому, он тут же ушел.

– Кудрявый? – Я сразу вспомнила парня, которого видела в своем подъезде.

– На голове был капюшон. А что?

– Оля, мою подвеску сегодня украли. И я тоже видела в подъезде постороннего парня.

– Все хуже, чем я думала, – помрачнела Ольга. – Если еще убийство отца к этому добавить, то... нам с тобой, Ася, грозит опасность. Ну, не смертельная, наверное...

– А если к этому добавить убийство Асиного отчима Карима Бахметева несколькими часами раньше, чем Гиржеля... – Соня покачала головой.

– А при чем здесь Карим, Ася?! – испуганно вскрикнула Ольга.

– Змейку мне подарил он, а не отец! И он тоже мертв.

– Вот тебе и доказательство, что Гиржель и Бахметев были

тесно знакомы! Хвост тянется из их общего прошлого, можно теперь не сомневаться! – Соня взяла свой мобильный. – Думаю, самое время позвонить папе. Нет смысла ждать до завтра... Алло, папочка, добрый вечер. Да, ты прав, с Марченко все плохо, но об этом подонке мы поговорим позже. Я у Аси... скажи, ты знал, что Гиржель и Бахметев были давно знакомы? Папа, не молчи! Папа! – Соня с удивлением смотрела на трубку. – Сбросил вызов, ничего не понимаю!

– Похоже, мы пока остаемся здесь втроем? – Я невесело усмехнулась. – В целях безопасности.

Глава 11

Разложив нам с Соней диван в гостиной, я постелила Ольге в спальне. Вспомнив, что в бабушкином чемодане с вышитыми ею скатертями, салфетками и постельным бельем есть и пара ночных рубашек подходящего Ольге размера, полезла на антресоли стенового шкафа.

Наша с Ольгой еврейская бабушка не знала иврит, национальную кухню, не праздновала шаббат и с удовольствием ела свиные котлетки. Она была более русской, чем мы с мамой, часами вышивая гладью и вывязывая крючком узоры. Пыталась приучить к рукоделию и меня, но маленькой Асе было неинтересно так долго сидеть на одном месте, а став школьницей, я забыла, что такое свободное время, отдаваясь тренировкам в спортивной секции. Чемпионкой мира по художественной гимнастике, как мечтала, стать не смогла – однажды врачебная комиссия окончательно запретила мне любой спорт из-за стремительного ухудшения зрения. Проплакав сутки, я собрала все грамоты в большой бумажный пакет, закинула его на шкаф и в тот же день записалась в шахматный кружок, успокоив себя тем, что это тоже спорт. И тут выяснилось, что в шахматы у нас в семье лучше всех играет бабушка. Мы очень сблизились с ней, когда я училась в старших классах, и я тяжело пережила ее смерть, которая случилась, когда я только что стала студенткой.

Позже, когда Карим рассказал мне об исчезновении Гиржея, я поняла, что она тогда просто не пережила потерю сына...

Ольга похрапывала довольно громко, нам даже пришлось плотно закрыть дверь в спальню, хотя моя неожиданная сестрица и просила держать ее открытой.

– Н-да... Много странностей в ее появлении, не находишь? – Я чувствовала, что Соня по-прежнему относится к Ольге с настороженностью.

– Я сама ее просила позвонить!

– Она отговорилась запретом отца на то, чтобы рассказать тебе правду, но, Ась, она же взрослый человек, могла и не слушать. Это же глупо – только что и ставить лайки под фото родной сестре!

– Я так же поступала, – сказала я, но в душе была с Соней согласна.

– Ты думала, что она – дочь разлучницы. К тому же она – старшая, – оправдывая меня, Соня с упорством отстаивала свое мнение.

– Господи, да у нас разница чуть больше полугода! Ты о чем?

– Я о том, что все беды случились с тобой в один день – потеря отца, отчима, кража подвески и появление Ольги, – мрачно подытожила Соня.

– Что же ты к этому не добавила возвращение в мою жизнь Юренева? – с иронией спросила я.

– Этот эпизод ты забудешь... или? Ась, лучше молчи. Нет, не может быть! Ты же его ненавидишь? Да? Он же гадский гад в твоей жизни, вспомни! Он тебя унизил!

– Он слеп и беспомощен, Соня. Нет, не жалок, а именно потерян. И никому не нужен! – парировала я.

– Да... никогда бы не подумала. Как неожиданно сбылось мое предсказание. Лягнула тогда, а оно вот как – в точку. И что ты собираешься делать?

– Помогать ему выживать, не более того, – произнесла я неуверенно.

– Не более? Аська, не дури! Жалость – не любовь. Заго-нишь себя в тупиковые отношения... Вспомни, как ты тогда рыдала! А они ржали, уроды...

...Наш класс был самым недружным в школе. Легендарно худшим – те учителя, что проработали долго, удивлялись столь стойкой неприязни учеников друг к другу. В классе процветали зависть, наушничество и хамство. Никакой взаимной поддержки, каждый сам за себя. «Сброд эгоистов» – так называла нас наша классная, молодая преподавательница химии, еще полная амбиций, планов по воспитанию и авторских идей. Сломали ее быстро, к концу седьмого класса она как-то сникла, свой предмет вела словно нехотя, а классные часы проводила для галочки – мы все занимались чем хотели. Не знаю, задумывался ли еще хоть кто-то о причинах нашего пофигизма, но мы с Соней однажды пришли к выводу, что он, этот пофигизм, родом из детства. То есть из началь-

ной школы. Ни один из нас не поминал добрым словом нашу первую учительницу Ирину Александровну Чмыреву, исчезнувшую из школы сразу же, как только мы перешли в пятый класс. Нет, точнее, не сразу – первую четверть у вновь поступивших первоклашек она отработала. Скандал с ее увольнением в связи с профнепригодностью замяли быстро. Родители, чей ребенок не побоялся рассказать дома о том, что учительница ругается матом, обзывает всех дебилами и не разговаривает, а «шипит», однажды целый урок стояли за приоткрытой дверью в класс и записывали на диктофон монологи Чмыревой. Не сразу поняв, что «зажравшиеся нувориши, нарожавшие сопливых слабаков», – это они, мама с папой этого ребенка лишь в ужасе переглядывались и качали головами. А после отнесли запись прямиком в кабинет директора. Жаль нас, бывших учеников Чмыревой, тогда никто не опросил, каждый мог бы добавить что-то свое. То, что фискалить нормально, нас убедила Ирина Александровна. Мотивация звучала примерно так: «Вы в классе все соперники. Каждый должен стремиться быть лучшим, а для этого нужно знать все слабые стороны противника. В конкурентной борьбе все средства хороши. Иначе, выйдя во взрослую жизнь, карьеры вы не сделаете». Нам, малышам, до борьбы, карьеры и взрослой жизни было так абстрактно далеко, что мы хорошо уяснили одно – донеся ей, какой плохой сосед по парте, ты получишь привилегии. Конечно, став старше, мы разобрались, что к чему, но – поздно. По сути, дружбой

можно было назвать лишь наши с Соней отношения. Одноклассникам же было по-прежнему наплевать на все и всех, да и на учителей тоже. Они продолжали «сдавать» друг друга, если это им было выгодно.

– Сонь, неужели никто не знает, что с Максом произошла такая беда? Он сказал, что живет один. Почему? А мама?

– Про мать не слышала, а что отца убили, узнала от Басова. Помнишь Кольку? Он же в мед со мной поступал, документы вместе сдавали. Правда, он на лечебный пошел, мы пересеклись-то всего несколько раз за семестр в коридорах. Так что Басов только на школьном вечере встречи в феврале вскользь упомянул, что у Макса отца больше нет. Ты тогда идти отказалась наотрез.

– Странно было бы, если бы пошла.

– Согласна. Мне сразу стало понятно, почему Макс в армию загремел. Кто б ему учебу оплачивать стал? Бюджет ему никак не светил.

– Мать его, значит, сына бросила совсем...

– Получается, так. И вот еще – на той встрече мне показалось, что Коля был чем-то озабочен, да и пробыл он с нами недолго. А потом исчез куда-то. Ничего о нем до сих пор не слышала. Впрочем, я и не общаюсь ни с кем из класса. Больше в школе не была ни разу. Некогда, да и желания нет.

– Соня, следовательно утром мне сообщил, что Коля признался в убийстве отца Юренева. Убил, якобы находясь под наркотой. Умер на зоне.

– Да ну... ерунда какая-то! Коля и наркотики? Никогда не поверю! Полная чушь!

– И моя реакция была такой же. Знаешь, о чем я подумала – следовательно все время задает вопросы о прошлом. Вот скажи, откуда ему известно об убийстве отца Макса? Нет, не так – знать-то он, конечно, мог. Но почему меня спрашивал об этом? Убили Карима, говорили о нем, и вдруг – что я знаю об убийстве Юренева? А я-то всегда думала, тот в аварии разбился. Разве нет?

– С чего ты это взяла? Его нашли в подъезде с травмой черепа, несовместимой с жизнью. Колька, правда, выразился проще – «черепушку пробили». И ни слова, что это сделал он! С чего вдруг потом признался?

– Загадка... А вот еще одна – следователю откуда известно, что Гиржель на паперти побирался? Откуда он вообще о нем знает? Да еще эта его уверенность, что тот с Каримом тесно знаком... на чем основывается?

– Не знаю, Ася. Что ты к нему прицепилась? У него масса возможностей добыть любую информацию. Давай спать. Мне с утра в Раздольное ехать. Свитерок-то одолжишь? – улыбнулась невесело Соня, залезая под одеяло.

– Спи. Еще Лизка-Элизабет никак себя не проявила. Как ей дать знать, что она уже дважды вдова? Если, конечно, это не она Карима убила.

– Успокойся, не она. Так сонную артерию перерезать можно лишь умеючи. Она что, медик?

– Нет, что ты. По-моему, образования у Элизабет никакого. Тогда где же она?

– Еще нарисуетя, не сотрешь. Квартира в нашем доме, даже часть ее, – хороший кусок. Явится за наследством, вот увидишь... хотя квартира-то Каримом до брака приобретена...

«Зачем ей наследство, если у нее в Англии дом?» – подумала я, засыпая.

Глава 12

Ровно в восемь разбудил звонком на мобильный Фирсов. Напомнив, что через час ждет в следственном комитете, отключился. Ни вам «доброго утрачка, Асия Каримовна», ни простого «здравствуйте».

– Хамство у нас в крови, не так ли, Иван Федорович, политесу не обучены, – пробурчала я, покосившись на Соню. И тут же вспомнился Карим, будивший маленькую Асию легким поцелуем в розовую щечку. «Солнышко уже ждет, не дождется, когда моя маленькая принцесса откроет глазки», – шептал на ушко он, а мне было щекотно от его дыхания. Я открывала глаза – рядом с кроватью стояли Карим и мама, улыбаясь и бросая ласковые взгляды друг на друга... «Нет, Карим не мог меня обманывать, тут просто чья-то чужая тайна. Гиржель, да – темная личность», – подумала я, вставая с дивана.

– Кто это в такую рань? – Звонок все же разбудил Соню.

– Следователь отметился с утра. Через час я должна быть у него. Ты лежи, мы уйдем с Ольгой, выспишься.

– Нет, поеду к отцу. И по детям соскучилась, давно не видела. Буди сестрицу.

Ольгу поднять с постели оказалось не так просто – на мое тихое: «Олечка, проснись», она лишь громко всхрапнула и отвернулась к стене. Пришлось трясти за плечо. Открыла

глаза она не сразу, и я успела разглядеть небольшой шрам над бровью и седую прядь на левом виске.

– Ася, сколько уже? – Ольга потянулась за телефоном. – Ого! Проспала... теперь домой не успею зайти перед визитом к следователю. Или успею?

– Он уже звонил, мне к девяти.

– Вот. А мне через полчаса уже у него быть. Может, с тобой пойду, не арестует же?

– Щетка новая в стаканчике, твоё полотенце – розовое, – никак не прокомментировала я её предложение.

– Спасибо.

Я отправилась на кухню, где уже хозяйничала Соня.

Меня очень смущала наша с Ольгой непохожесть друг на друга. Ну хотя бы какие-то черты внешности должны быть у Ольги от Гиржея? Сколько ни присматривалась, таковых не обнаружила. Обманула, что родная дочь? Зачем ей это?

– Сонь, а если эта змейка, что принесла Ольга, на самом деле моя? – Я сняла турку с плиты и разлила кофе в три чашки. – И никакой пары к ней, как она утверждает, нет. Смотри: кто-то крадет у меня подарок Карима, а через несколько часов подвеску приносит дочь Гиржея. А дочь ли? Белесая, глаза почти прозрачного голубого цвета, лицо круглое. Посмотри на меня – копия отца! Поэтому я так легко его среди нищих узнала.

– Что в этой подвеске такого ценного? Камень красный? Он крошечный. Даже если это рубин, да, похож по цвету,

ценность ему – грош. Хотя я в камнях не разбираюсь. Давай Леве Фишеру покажем. У него своя ювелирная мастерская на углу Дворянской.

– Хорошо, найду как-нибудь. Мне кажется, что об этой змейке и хотел поговорить Карим. Может быть, она ему была нужна? А был ли он в курсе, что вторая подвеска хранится у Ольги? Ничего не понимаю!

– И это еще раз доказывает, что Гиржель и Карим не просто знакомы, их связывает какая-то общая тайна. Если же змейка одна, все плохо – Ольга тебя обманула. Ты с ней не откровенничай, Ась. Черт ее знает, кто она на самом деле!

– Да, ты права. Пойду потороплю ее, что-то долго она в ванной плещется.

В этот момент раздался громкий щелчок замка входной двери. Я посмотрела на Соню – та развела руками.

– Ушла, не попрощавшись? Значит, подслушивала... согласна, нехорошо, конечно, получилось, – произнесла Соня без тени раскаяния в голосе. – Я поехала к отцу. Еще один заговорщик. Телефон до сих пор отключен. Хорошо, Марченко ключи от машины не успел отобрать. Обычно первое, что прячет, – портмоне с правами, обе связки ключей и телефон. В этот раз только теплую одежду успел в шкаф запереть. Ключиком перед моим носом вертел, издевался. Такой придурок, Ась. Куда любовь к нему делась... он что, всегда таким был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.